

Новый Перевод

Герберт Уэллс

ВОЙНА МИРОВ

перевод
Алексея Козлова

Герберт Уэллс

Война миров

«Издательские решения»

Уэллс Г.

Война миров / Г. Уэллс — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-559163-0

Новый адаптированный перевод Алексея Козлова романа Герберта Уэллса «Война миров» (1897), описывающий вторжение на Землю космических аппаратов марсиан. Внутренняя идея романа — смутное ожидание эпохи жутких мировых войн с новыми средствами уничтожения.

ISBN 978-5-00-559163-0

© Уэллс Г.

© Издательские решения

Содержание

Часть Первая	6
1. Канун Войны	6
2. Зведопад	11
3. Хорсельская Пустошь	15
4. Цилиндр развинчивается	18
5. Тепловой луч	21
6. Зелёный луч Чобхемской дороги	27
7. Как мне удалось добраться до дома	30
8. Пятница. Вечер	34
9. Начало сражения	37
10. ГРОЗА	44
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Война миров

Герберт Уэллс

Моему брату Фрэнку Уэллсу,

который натолкнул меня на мысль об этой книге.

Но кто обретается в этих мирах, если они в самом деле обитаемы?..

Мы или они Владыки Мира? Разве всё в мире создано для человека?

Кеплер (Приведено у Бертона

в «Анатомии меланхолии»

Дизайнер обложки Алексей Борисович Козлов

Переводчик Алексей Борисович Козлов

© Герберт Уэллс, 2023

© Алексей Борисович Козлов, дизайн обложки, 2023

© Алексей Борисович Козлов, перевод, 2023

ISBN 978-5-0055-9163-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть Первая Явление Марсиан

1. Канун Войны

В последние годы девятнадцатого века не нашлось бы человека, способного поверить, что за жизнью на Земле зорко и бдительно надзирают твари более развитые умственно и физически, более продвинутые по пути технического прогресса, чем сам человек, хотя, возможно, такие же смертные, как и он. Никто бы не задумался, что за тысячелетия, когда люди, уткнувшись глазами в землю, занимались своими мелкими делишками, торговали и копались в земле, их считали, изучали, анатомировали, исследовали и рассматривали столь же пристально, как микробиолог изучает под микроскопом покрытых хитином жучков и всяких там эфемерных бацилл, кишащих миллионами особей и ещё множащихся в капле грязной воды. Раздираемые завистью, жадностью и гордыней, двуногие шустро сновали по всему земному шару, озабоченные своими грошевыми интересами, убеждённые в своей власти над материей, Природой и своей планетой. Можно предположить, что в мозгу инфузории при этом под микроскопом возникают подобные умные мысли, и её не заботит то, что в любой момент она может быть раздавлена одним движением мизинца наблюдательного двуногого. Она не думает об этом! Ей приятно внимание. Никому не приходило в голову, что более древние, удалённые от Земли миры Вселенной расы – источник смертельной опасности для всего человеческого рода. Прежде сама мысль о какой-либо жизни вне Земли казалась абсурдной, невероятной и совершенно нелепой. Забавно сейчас припомнить глупые, общепринятые в те века предрассудки. Самым амбициозным допущением считалось, что на Марсе могут жить существа, внешне схожие с людьми, скорее всего, гораздо менее нас развитые умственно и отсталые технически, но, уж тояно, никто тогда это не спорил, что это очень любознательные и всегда готовые вполне по-дружески встретить нас на космических тропинках и приветить, как желанных гостей, готовых на блюдечке преподнести им новые технологии и свет просвещения существа. А меж тем через бездну чёрного космоса на Землю взирали глаза, полные холода, лютой злобы, ненависти, зависти, и их владельцы – существа с чуждым нам мировоззрением, расчётливым, холодным, бесчувственным и бесцветным умом, обогнавшие нас во всём настолько, насколько мы опередили вымерших динозавров. Они не спеша, медленно, но верно разрабатывали свои кровожадные планы. На заре нового века наши иллюзии оказались разбиты.

Планета Марс (едва ли наш читатель не осведомлён об этом) крутится вокруг Солнца на расстоянии в среднем около 140 миллионов миль от него, и на неё падает вдвое меньше Солнечной энергии, чем на нашу планету. Если верить гипотезам о происхождении туманностей, то Марс много старше Земли, и на его поверхности жизнь была задолго до того, как Земля остыла и превратилась в твёрдый шар. Как полагают многие, жизнь на самой Земле появилась, будучи экспортированной с Марса. Масса его в семь раз меньше земной, поэтому он должен был значительно скорее охладиться до температуры, при которой ещё могла существовать жизнь. На Марсе возможна пригодная для жизни атмосфера, есть вода и всё необходимое для жизни.

Но человек оказался столь тщеславен и столь ослеплён своей гордыней, что никто из писателей до самого конца девятнадцатого века не осмелился даже предположить, что на этой планете могут обитать разумные существа, тем более такие, какие опередили двуногих на пути технического прогресса. Никому даже в голову не пришло, что Марс, будучи много старше Земли, с поверхностью, меньше четверти земной, и отстоящий от Солнца на гораздо

большее расстояние, обладает жизнью не только раньше появившейся, но и уже клонящейся к своему неизбежному концу.

Космический холод, который с неизбежностью рано или поздно придёт на Землю, уже давно царит на Марсе. Хотя нам почти ничего не известно об условиях существования жизни на Марсе, мы всё-таки знаем, что даже на экваторе планеты средняя дневная температура много ниже, чем на Земле самой свирепой зимой. Марс обладает атмосферой гораздо более разреженной, чем земная, а моря испарились от немилосердного жара Солнца и теперь составляют не больше трети его поверхности. Замедление круговорота времён года привело к тому, что на его полюсах скопились огромные массы льда и снега. По временам оттаивая, эти воды то и дело затопляли срединные земли Марса. Последняя фаза умирания планеты, по времени ещё бесконечно удалённая от нас, стала злым роком для мечущихся в жажде уцелеть обитателей Марса. Под давлением страха смерти их ум работал всё более интенсивно, пока их техника, казалось, не стала превышать возможности самого разума, в то время, как их сердца всё сильнее ожесточались и чувства зверели. И, впериваясь безумными глазами в холодное мировое пространство, они, до зубов вооружённые новыми чудо-механизмами, оснащённые знаниями, о которых люди даже не могли мечтать, ясно отмечали на совсем недалёком расстоянии от себя, всего в 35 миллионах миль по направлению к Солнцу, утреннюю планету надежды – нашу голубую, уютную Землю, цветущую, зелёную от хлорофилла растительного мира и тёмно-синюю от вод океанов, с туманной, светящейся маниющим бархатным ореолом атмосферой, этим красноречивым свидетельством плодоносности и процветания, с мерцающими сквозь облачную белизну бескрайними пространствами, населённых какими-то существами материками и широкими просторами морей и океанов, заполненными трассирующими следами от флотилий судов.

Так что, мы, люди, существа, населившие Землю, поневоле представлялись им такими же враждебными и примитивными тварями, как нам – какие-нибудь гориллы или лемуры. Жизнь – это прежде всего борьба! Разум всегда напоминает человеку, что жизнь – это непрекращающаяся борьба за существование, и на Марсе высшие существа думали так же. Их мир клонился к гибели, а на Земле в то же время кипела непрекращающаяся жизнь, но это была жизнь каких-то нелепых зверушек, низших существ, не заслуживающих малейшего внимания и снисхождения. Захватить этот новый мир, удалиться от Солнца на преемлемое расстояние – это был единственно правильный, единственно реальный план спасения популяции от неминуемой гибели!

Прежде чем слишком строго оценить их планы, стоит припомнить, как свирепо поступали люди не только с животными, но и людьми. Что они сделали с бизонами, птицей Додо, как они поступали с представителями иных рас? Лучше не думать об этом!

За пятьдесят лет истребительной войны, затеянной иммигрантами из Европы, жители Тасмании, к примеру, были уничтожены до последнего человека. Мы помним судьбу двадцати миллионов американских индейцев, от которых остались маленькие кучки уцелевших в резервациях. Не надо думать, что мы сами такие уж фанатичные поборники милосердия, что нам позволено возмущаться жестокими марсианами, заточенными в том же духе?

Марсиане, это стало видно сразу же, рассчитали спуск своих кораблей с исключительной точностью – их математические знания, как мы увидим позднее, значительно превосходили наши – и ко всему прочему они исполнили свои приготовления изумительно согласованно. Будь наши астрономические приборы были чуть более совершенными, мы могли бы зафиксировать надвигающуюся на Землю угрозу ещё задолго до конца девятнадцатого столетия. Такие учёные, как Скиапарелли, с энтузиазмом годами наблюдали красную планету – (любопытно, между нами говоря, что в течение веков человеческой истории Марс всегда считался планетой войны) – но им так и не удалось выяснить причину периодического появления на ней пятен, которые они научились в огромных количествах наносить на марсианские карты.

А в это время марсиане, очевидно, упорно и деловито вели свои мрачные захватнические приготовления.

Во время сближения планет, в 1894 году, на освещённой части планеты отмечались сильнейшие вспышки. Сначала о них сообщила обсерватория в Ликке, затем Перротеном в Ницце, потом зачастили сообщения других наблюдателей. 2 августа подтянулись и английские читатели, впервые раскрывшие обложку журнала «Нэйчер». Я всё же после долгих размышлений склонен полагать, что эти вспышки были вызваны началом отливки в шахте гигантской мортиры, из которой марсиане планировали бомбардировать Землю. Необычные явления, не объясненные до сей поры, впрочем, были наблюдаемы в окрестностях места вспышки, случившейся во время двух последующих перигелиев.

Катастрофа разразилась на нашей планете шесть лет назад, когда Марс встал напротив Земли. В это время академик Лавель из Явы разослал по телеграфу астрономам мира массу телеграмм о колossalном взрыве раскаленного газа на Марсе. Это произошло двенадцатого августа в районе полуночи. Его спектроскоп, без помощи которого он уже не мог обходиться, и который он был готов класть под подушку, вдруг обнаружил колоссальные объёмы взрывающихся газов, главным образом водорода, мчащегося к Земле с жуткой скоростью. Фронт сплошного огня перестал быть видным около четверти первого по Гринвичу. В своих телеграммах Лавель сравнивал его с колоссальным выбросом пламени, внезапно поднявшимся над планетой, «как снаряд, вырвавшийся из орудия».

Сравнение было в самую точку. Однако на следующий день газеты замолчали. Не появилось ни одного сообщения об этом событии, если не считать крошечной, никем не замеченной заметки в «Дейли Телеграф». Таким образом мир оставался в полном неведении о самой жуткой, самой неотвратимой из всех опасностей, когда-либо угрожавших земному человечеству. Скорее всего, и я бы ничего вовремя не узнал об этом извержении газа, если бы случайно не столкнулся в Оттершу с известным астрономом Огильви. Он был до крайности возбуждён этим сообщением и, пользуясь моим присутствием, буквально приказал мне той же ночью вместе с ним принять участие в наблюдении за обстановкой на грозной Красной Планете.

Невзирая на всю цепь последовавших после этого связанных между собой страшных событий и катаклизмов, я с кристальной ясностью запомнил наше полуночное бдение: аспидная, молчащая, как морт, обсерватория, занавешенный фонарь в углу, бросающий хилый свет на пол, нудное тикание часов в телескопе, относительно невеликое продольное отверстие в куполе, откуда, как пасть Вселенной, зияла холодная, чёрная бездна, усеянная сверкающей звездной пылью. Полностью затенённый Огильви мягко подпрыгивал возле приборов, похоже ощущая себя признанным диктатором науки. В телескопе был виден только большой чёрносиний круг с едва различимой на нём крошечной круглой планетой, чуть несимметричной при пристальном наблюдении, блестящей, с чуть различимыми поперечными полосами. Эта оранжевая

булавочная головка была слишком мала, и теплый серебристый свет мягко исходил от неё. Казалось, она слегка подрагивала, но это вибрировал сам телескоп под воздействием часового механизма, упорно удерживавшего планету в поле своего зрения.

За время наблюдения было отмечено, что звёздочка то уменьшалась до размера муравья, то увеличивалась, то медленно приближалась, то вдруг удалялась, но это был просто обман глаз. До оранжевой планеты было всего лишь 40 миллионов миль – 40 миллионов миль абсолютной тьмы и пустоты.

Немногим выпадает случай представить себе всю безбрежность той бездны, в которой плавают планеты – мелкие пылинки чудовищной Вселенной.

Мне бросилось в глаза лишь то, что в едва различимой близости от планеты виднелись три крошечные ярко светящиеся точки, три малые телескопические звездочки в страшно уда-

лённом пространстве, а вокруг них – аспидный мрак безвоздушного пространства. Вы прекрасно помните, как эта бескрайняя бездна выглядит морозной звёздной ночью.

.Взгляд в телескоп делает её ещё глубже. И незаметно для всех нас, ввиду ужасной удалённости и малого размера, стремительно и неукратимо приближаясь к нам, преодолевая всё это непредставимое пространство, с каждой минутой становясь ближе на многие тысячи миль, к нам близилось то, что обитатели Марса направили к нам, то, что скоро ввергло в войну, горе и гибель нашу прекрасную Землю. Я не мог даже подумать об этом, когда взглядался в просторы нашей планеты, да и кто на Земле мог даже подозревать о метко пущенном с другой планеты метательном снаряде.

В ту ночь на Марсе снова была зафиксирована вспышка. Я видел её своими глазами. В тот самый миг, когда часы показывали полночь, с краю Марса что-то заискрилось, и на поверхности появилось едва заметное вздутие. Я поспешил поставить об этом в известность Огильви, и он сразу же решил сменить меня на своём посту. Ночь была душная, и мне страшно хотелось пить, в кромешной темноте ощупью, едва находя дорогу в темноте, я пошёл к столику, где должен был быть сифон, как вдруг Огильви издал крик, смесь удивления и ужаса – это он увидел вырвавшийся в сторону Земли столб газа.

В ту ночь новый незаметный снаряд был запущен с Марса. Мне запомнилось, что в тот момент в кромешной темноте я сидел на столе, у меня перед глазами плясали красные и зелёные пятна. Я был занят поисками огня, мне очень захотелось закурить. Придавать значения этой космической вспышке не входило в мои планы, и я не слишком вдавался в то, что за ней может неминуемо последовать. Огильви делал замеры примерно до часу ночи, в час работы была закончена, тогда мы зажгли фонарь и пошли домой к Огильви. Идти было недалеко. С холма нам виделись Оттершоу и Чертси, погруженный в сплошной мрак. Там мирно спало множество жителей.

Огильви всю ту ночь фантазировал и высказывал разные идеи относительно условий существования на Марсе и при этом не уставал насмехаться над всякими вульгарными гипотезами, в частности такой – обитатели Марса сейчас просто подают нам сигналы, может быть, сигналы бедствия. В свою очередь он предполагал, что на красную планету обрушился целый рой межгалактических метеоритов, или что на Марсе происходит чудовищное извержение вулкана. Он непрерывно спорил со мной, пытаясь убедить, что практически невозможно, чтобы на двух, пусть даже находящихся на слишкомном расстоянии планетах эволюция живых организмов шла по одному сценарию.

– Марс обитаем в одном шансе против миллиона! – горячился он.

Каждую ночь многие сотни наблюдателей видели эти вспышки. В ту ночь и в течение десяти следующих ночей было зафиксировано по одной вспышки. После десятой ночи вспышки прекратились, и их больше никто не видел. По какой причине вспышки прекратились, никто понять не мог. Хотя можно было предположить, что мощнейшие выстрелы были причиной такого количества вредного газа, что вызвали недовольство и панику среди марсиан. Облака дыма, или пыли, зафиксированные в самый мощный телескоп, представляли на фотографиях в виде небольших серых туманных клочков, которые мельтешили в кристальной атмосфере планеты и теперь частично закрывали кое-какие детали территории планеты.

Наконец пробудились даже главные газеты и наперебой загорланили об этих странностях. То там, то сям печатались научно-популярные статьи о пробуждении вулканов Марса. Всех насмешили рисунки юмористического журнала «Панч», который очень креативно воспользовался этой темой для продвижения своих политических карикатур. А между тем невидимые марсианские капсулы уже летели к Земле сквозь бездну космической пустоты с немыслимой скоростью в несколько миль в секунду, сближаясь с Землёй каждый миг, каждый час, каждый день. Не было ничего странного в том, что люди, не знавшие о нависшей над ними страшной угрозе могли спокойно заниматься своими ничтожными бытовыми делишками. А между тем

тень огромной беды уже нависала над их привычным бытием. Можно вспомнить, как ликовал Маркхем, перебирая новые фотографические снимки планеты для иллюстрированного журнала, в котором он был тогда главным редактором. Сенсация! Вот за чем все гонялись! Людям нынешнего века, да и пожалуй, ещё недавних времён, могут с величайшим трудом вообразить себе количество и влияние журналов в конце девятнадцатого века.

Меня же в то время интересовало совсем другое.

Я тогда с большим рвением любил гонять на велосипеде по парковым дорожкам, и на досуге, сидя на диване, пролистывал огромную груду журналов, которые поднимали темы дальнейшей трансформации общечеловеческих моральных ценностей в связи со стремительным прогрессом мировой цивилизации.

Моя жизнь тогда была жизнью обычного, может быть, довольно скучного мелкого буржуа, прожигающего время в бесплодном наблюдении за причудами общества.

Как-то вечером (потом мы узнали, что в тот момент первый снаряд был примерно в десяти миллионах километров от нас) я прогуливался вместе с женой неподалеку от своего дома.

Надо мной было ясное звёздное небо, и я с увлечением пояснял ей конфигурации и положение знаков Зодиака на небе, а потом по привычке показал на Марс – самую яркую точку у самого зенита. Я знал, что в это мгновение тысячи телескопов устремляли свой взгляд туда же, куда теперь смотрел я.

Был чудесный, тёплый вечер.

Весёлая компашка туристов из Чертси и Айлвортса, возвращаясь в свою гостиницу, про-дефирировала мимо нас, горланя громкие, разухабистые песни. Все верхние окна соседних домов светились. Там готовились отходить ко сну. Издали, с шумной железнодорожной станции раздавался грохот погрузки и вой маневренных паровозов. Звуки были изрядно смягчены приличным расстоянием и звучали едва ли не мелодично. Жена указала пальцем на разноцветные, красные, зелёные и жёлтые сигнальные огни, мелькавшие на фоне чёрного небосклона. Мир казался спокойным и безмятежным. Мы были счастливы!

2. Звездопад

Затем пришла ночь звездопада, и первая звезда прочертила черноту неба. Она хорошо была видна на рассвете, звезда промчалась над спящим Винчестером, восточнее его, и огненная линия падения прочертилась так высоко, что казалась едва видной. Глаза тысяч людей поворачивались вслед за её траекторией. Все подумали, что это обыкновенная падающая звезда. Элбин описывал позднее, что она оставила за собой дымный зеленоватый след, померкший буквально за несколько секунд. Деннинг, наш признанный авторитет по метеоритам, настаивал, что она прошла над поверхностью Земли на расстоянии не менее девяноста или даже ста миль, прежде чем рассыпалась на мелкие осколки, как это всегда бывает в подобных случаях.

Он настаивал, что объект упал в ста милях восточнее того места, где он был в это время.

В этот час я находился у себя дома и что-то привычно чиркал у себя в кабинете. Мое окно выходит на Оттершоу и хотя, клянусь, шторы в кабинете были подняты (я люблю смотреть на звёзды

ночью), я не заметил на небе ничего необычного. Но метеорит, оказавшийся поразительнее всех мыслимых метеоритов, когда либо посещавших Землю, именно в этот момент врывался из космоса в околоземное пространство, и нужно было быть очень рассеянным глупцом, чтобы его не заметить! Кое-кто из свидетелей утверждал, что он пролетал над ними с неприятным не то свистом, не то с шипением, но, как я уже говорил, я совершенно ничего не видел и не слышал. Между тем, великое множество жителей Беркшира, Сэррея и Миддлсекса своими глазами видели это падение, и почти все они думали, что это падает очередной метеорит. Удивительно, что в эту ночь никому и в голову не пришло отправиться на место падения и убедиться, что там произошло на самом деле..

Один безумный бедолага Огильви, так же, как все, наблюдавший метеорит, и уверенный, что тот рухнул

где-то среди безлюдных пустошей Хорселя, Оттершоу или Уокинга, умудрился оторвать голову от подушки рано

утром и героическим усилием воли заставил себя отправиться на его поиски. Светало, когда после долгих поисков он наконец обнаружил его. Это было место неподалеку от близлежащего к городу песчаного карьера. Перед ним оказалась гигантская воронка, вырытая упавшей громадиной, и бескрайние нагромождения камней песка и разбросанного гравия. Окрестные вересковые холмы бфли почти сплошь засыпаны выбросами из гигантской воронки. Место падения было хорошо заметно мили за полторы и благодаря лёгкому серному дыму, который кое-где ещё вздымался над землёй, и заставил профессора чихать, всё время затыкая мокрым платком раздражённый нос. Помимо этого, вокруг огромной дыры продолжал гореть и тлеть сухой вереск, придавая картине зловещий и неописуемый вид.

Удивительно, но упавший объект, зарывшийся в песок посреди разбросанных вокруг остатков расщепленной огромной сосны, имел какой-то непредставимый и странный вид, ничуть не похожий ни на одно из до того прилетавших на землю небесных тел. Обычно это были уродливые, изрытые диким давлением и огромными температурами чёрные, оплавленные камни, но это было нечто совсем иное! Это было нечто, наделённое слишком огромными размерами, слишком правильными, слишком логичными и отточенными формами, чтобы быть порождением дикой, неживой природы. Высоко наружу выдавалась часть чудовищного, правильной формы цилиндра, хранившего на себе печать жутких космических воздействий. Цилиндр сильно обгорел и тёмный нагар свисал с него уродливыми обугленными дымными лохмами. Визуально цилиндр был не менее тридцати ярдов диаметром, и даже издали было видно, какой он огромный. Огильви с трепетом приближался к этой развалине, потрясённый её размерами, массой и более всего – формой, так как знал, что обычная форма метеоритов

не должна быть иной, кроме как шарообразной. Очевидно, что с момента падения метеорита прошло слишком мало времени, потому что он был страшно раскалён и приблизиться к нему было невозможно даже на очень большое расстояние. Многие участки поверхности цилиндра были ещё того багрово-чёрного цвета, какими окрашены окалины остывающих чугунных слитков. Невнятный шум, доносившийся изнутри раскалённого цилиндра, Огильви отнёс к процессу неравномерного охлаждения его конструкций. Огильви в тот момент даже в голову не могло прийти, что цилиндр может оказаться изнутри полым, и, уж тем более, что внутри него кто-то может сидеть.

Огильви, потрясённый и потерявший счёт часам и минутам, невесть сколько времени стоял поодаль от огромной дымящейся ямы, всё более пугаясь потрясающе-отточенной формы и странного мышиного цвета колоссального изделия, и как профессионал, уже смутно догадывался о его страшной начинке и сути. Рассвет остался позади, и в долине стояло тихое, тёплое утро. Солнце позолотило сосновую рощу подле Уэйбриджа, и остальные окрестности уже вполне по-летнему начинало пригревать. Из слов Огильви, которому можно было доверять больше, чем самому себе, следовало, что были странные вещи, например, совершенно определённо в это утро в округе не было ни обычной птичьей трели, ни малейшего ветерка, и единственными звуками, раздававшимися на пустоши, был невнятный шум и скрежет изнутри медленно остыvавшего обугленного аппарата. Кругом, на пустоши не было ни души.

Удивление Огильви не знало пределов, и когда на его глазах стала обваливаться окалина с торца цилиндра, он находился в состоянии настоящего потрясения. Нагар с обугленного цилиндра отваливался только с одной стороны, что не могло не удивить и не насторожить Огильви. Чёрные, ещё тёплые куски падали к подножию цилиндра, подобные крупным хлопьям и чёрному песку во время дождя. Но дождя не было.

Вдруг с шумом сверху свалился особо крупный кусок углевидной массы. Стало не до шуток. Огильви изрядно струхнул.

Но преодолев ощущение нараставшей опасности (Он ведь был настоящий учёный и гордился своей миссией учёного в первую очередь), он торопливо сбежал по крутым отвалам в глубокую пропасть и, невзирая на сильный жар, продолжавший исходить от цилиндра, подошел к нему вплотную, стараясь получше его рассмотреть. Астроном какое-то время тешил себя надеждой, что странный сброс окалины вызван неравномерным охлаждением цилиндра, но лёгкое сомнение терзало его – окалина осыпалась только с торца цилиндра. Меж тем круглое навершие странного цилиндра стало медленно

вращаться. Сначала Огильви не поверил своим глазам, думая, что просто не выспался, и потому испытывает галлюцинации. Но два чёрных пятна, неизменно менявших своё положение относительно друг друга, были слишком явным свидетельством, что конструкция откручивается. Движение было едва заметным, диск откручивался с очень медленной скоростью, почти незаметно, и, похоже, это откручивание порой вообще приостанавливалось. Огильви сначала не понял, что означает такое ритмическое движение, сопровождающееся весьма неприятными металлическими звуками изнутри. Потом он услышал, как будто кто-то стал скрестись внутри, и звук этот был необычно глухой и сильный. Тут Огильви заметил, что скорость перемещения пятна стала возрастать, и оно передвинулось практически на дюйм. Тут страшная мысль молнией пронзила его голову. Она была настолько невероятна, что Огильви взмок от ужаса! Лучше бы он навсегда оставался в неведении!

Цилиндр этот бы искусственный, полый изнутри, и с отвинчивающейся крышкой сверху! Его кто-то сделал, и этот кто-то изнутри конструкции сейчас отвинчивал люк, для того, чтобы выбраться наружу! Было, отчего взмокнуть!

– Господи! – задрожал Огильви, – Неужели внутри цилиндра находится человек? Люди наверняка чуть не изжарились при приземлении! Им плохо! Они пытаются выбраться из замкнутого раскалённого пространства!

В его мозгу мгновенно соединился новоприбывший цилиндр и взрывы, гремевшие на Марсе чуть загодя. Мысль ушла, но покоя ему не прибавила ни на йоту.

Первоначальная смехотворная мысль о погибающих внутри цилиндра людях не оставляла Огильви, даже напротив, она всё сильнее жалила его ум, и ужасала. Он был готов представить корчи беззащитных пассажиров цилиндра, корчащихся от боли и недостатка воздуха, и ужасался их неописуемым страданиям. Эти размышления в конце концов толкнули его почти на безумство, он стал пробираться к стенкам цилиндра, защищая рукой лицо от нараставшего немыслимого жара. Огильви всё равно, чего бы это ему ни стоило, хотел помочь освободиться неизвестным героям – покорителям космоса!

Но, к счастью, приблизиться к самому металлу цилиндра не получилось – жар был слишком силен, и идея помочь заключённым в цилинде побыстрее отвернуть крышку оказалась невыполнимой. Понимая, что чудом сам не обжёгся о раскалённый металл, Огильви помедлил в глубокой нерешительности и со всех ног стал карабкаться вверх по крутым отвалам ямы, осклизаясь и падая. Когда он вылез, времени на отдых не было. Он пропустил по полу и около шести часов, измученный и запыхавшийся, стоял у Уокинга.

По пути учёный столкнулся с возчиком, которому попытался втолковать, что случилось, но его речь была столь

бессвязна и горячечна, а у самого – такой дикий вид (шляпу он сразу же потерял в яме, и был весь в пыли), что тот махнул рукой и просто бросил его на дороге. Огильви бросился дальше, без всякого успеха обратился к трактирщику, который только что открыл свой трактир у Хорсэллского моста. Тот выслушал бред астронома и решил, что перед ним очередной сбежавший из Бедлама сумасшедший, и попытался было завлечь его в трактир, чтобы было время успокоить и сдать докторам.

Этот успокоительный приём чуть отрезвил взбудороженного Огильви, и только завидев Гендерсона, известного лондонского обозревателя светской хроники, колдовавшего у себя в саду, он стал прыгать и кликать того через забор. На сей раз, для того, чтобы тот наконец выслушал его, Огильви постарался говорить как можно спокойнее.

– Гендерсон! – начал свою нагорную проповедь Огильви, – Вы видели этой ночью падающую звезду?

– Ну и что?

– Она упала на Хорсэллской пустоши!

– Ух, ты! – насмешливо воскликнул Гендерсон, изо всех сил пытаясь изобразить истинный интерес, – Знаем! Очередной упавший с неба метеорит! Если вы не шутите, то это чрезвычайно интересно! Огильви, вас ждёт нобелевская премия!

– Хватит шутить! Слушайте внимательно! Это не просто метеорит! Это цилиндр, сделанный людьми! Он искусственного происхождения! Поймите же! Он кем-то сделан! И внутри него кто-то есть!

Гендерсон стоял с лопатой в руке, как будто проглотил кочергу.

Поверить в такое было почти невероятно. Но и не поверить Огильви было невозможно!

– Что? Что вы мелете? – усомнился он, внезапно отшатнувшись от гостя. Гендерсон был уже стар, и многое доходило до него, как до жирафа, с трудом. К тому же он был был туговат на ухо, и многое не слышал.

Огильви, не жалея красок, рассказывал журналисту всё, что ему удалось увидеть. Гендерсон с минуту не мог переварить услышанное, потом брови его плавно въехали на лоб. Он бросил лопату, нервно вдел в пиджак одну руку и выскочил на дорогу. Оба путника поспешили побежали к метеориту. Цилиндр пребывал всё в том же состоянии. Никаких звуков изнутри теперь не раздавалось, лишь между поднявшимся люком и чёрным корпусом цилиндра ярко блестела тонкая металлическая спираль свежей неокисленной резьбы. Было слышно, как воздух, то сипя, выходил наружу, то, свистя, затягивался внутрь.

Они стали попеременно прикладывать к остывшему цилиндуру уши, как будто там можно было что-то услышать, стучали палкой по рыхлому нагару, который пластами тут же опадал вниз, и, не получая никакого отзыва, наконец решили, что хозяин или хозяева, оказавшиеся внутри цилиндра, либо лежат без сознания, либо уже, увы и ах, мертвы.

Но что они могли сделать вдвоём, чтобы помочь пострадавшим? Ровным счётом ничего! Прокричав на всякий случай несколько слов с обещанием скорой помощи, заверив окалину угрозой, что они скоро вернутся, и не одни, компании бросились обратно в город за подмогой. Взъерошенные, пыльные, испачканные золой и углём, они ковыляли, утопая в ярком солнечном сиянии, по узкому проулку. Было ещё ранее утра. Лавочники снимали ставни со своих модных витрин. Обыватели уже распахивали окна своих спален и, потягиваясь, выглядывали на балконы. Гендерсон спешил поскорее попасть на железнодорожную станцию, откуда можно было телеграфировать об открытии в Лондон. Газеты уже загодя подготовили свою паству к тому, чтобы разгласить эту сенсационную новость.

Уже к восьми часам огромная толпа местных мальчишек и приезжих зевак направилась к пустоши, чтобы лично удостовериться в истинности «мертвяков с Марса», как их нарекли нищие лондонские острословы с окраин. Такова была первая мольва, охватившая лондонцев, когда они узнали о приземлении таинственного цилиндра. Сам же я не был в числе первооткрывателей и впервые узнал об этом от своего разносчика газет в четверть девятого утра, когда вышел за свежим номером «Дейли Кроникл». Что спорить, я был так поражён известием о находке, что немедленно поспешил через мост Оттершоу к становившемуся знаменитым песчаному логу.

3. Хорсельская Пустошь

Возле гигантской воронки, где застрял цилиндр, кучковалось всего человек двадцать, в основном это были праздношатающиеся зеваки, привлечённые сюда скандалом и публикациями в бульварных газетах. Я не буду повторять, как выглядел этот колossalный, едва высывающийся из земли снаряд. Дерн, песок и камни вокруг него обуглились и спеклись, точно от чудовищного взрыва.

Учитывая возможную скорость приземления, и силу удара цилиндра, можно было предположить, что температура при приземлении была воистину чудовищной, что вокруг наверняка бушевало дикое, фантастической температуры, испепеляющее пламя. Удивительно, что этот цилиндр вообще уцелел, по идеи он просто обязан был взорваться и разлететься на куски. Но, чудо из чудес, он был цел! Гендерсона и Огильви у цилиндра я также не обнаружил. Наверняка они покрутились около диковинки и решили, что для бедных пришельцев всё равно ничего хорошего им не сделать, и, убедив себя в неизбежной гибели пришельцев, отправились, довольные собой, завтракать к Гендерсону.

С краю ямы, хохоча и болтая ногами, сидели несколько местных мальчишек. Они развлекались (пока я не приказал им прекратить эту неуместную и опасную забаву), кидая камни в чудовищный агрегат и слушая, как звенит металл.

Внимательно выслушав меня, они стали бегать вокруг и играть в прятки, мелькая среди стоявших в ступоре взрослых.

Собравшиеся вокруг были крайне немногочисленны: два заезжих столичных велосипедиста, бедный садовник, которого я время от времени нанимал для работы в своём саду, барышня с грудным ребёнком на руках, мясник Грэгг с сопливым сынишкой, несколько пьяных гуляк и мальчиков – прислужников на игре в гольф и, как правило, бьющих баклуши на станции. Разговоров велось мало. В те времена в Англии об астрономии имела представление только мизерная часть населения, и только самые избранные представители славного английского простонародья были наслышаны об её азах. Большинство зевак спокойно хлопало глазами, озирая плоскую крышку цилиндра. Никаких изменений положения в приземлившейся машине не наблюдалось. И я, и все окружающие, ждавшие быстрых и непредсказуемых сюрпризов, были разочарованы, видя вместо скорой помощи с носилками и трогательно обуглившимися трупами инопланетян недвижную громаду цилиндра. Утомившись от бесплодного ожидания, публика стала потихоньку разбредаться. Одни уходили, их сменяли другие, и так без конца. Перепрыгивая по камням, я спустился в воронку, и внизу мне стало казаться, что я ощущаю слабую вибрацию металла под ногами. Крышка, однако, сколь ни старалось моё воображение, не сдвигалась ни на дюйм.

Только оказавшись совсем рядом с цилиндром, я осознал, сколь необычно он выглядит. Только на первый и весьма поверхностный взгляд он мог показаться не более обычным, чем свалившийся в яму экипаж или дуб, рухнувший на дорогу. Даже, скажу я вам, и меньше.

Самое большой сходство эта штука имела с огромным газовым газгольдером, свалившимся при транспортировке с шоссе и завязшем в непроходимом болоте. Но такое впечатление могло сложиться только у абсолютно непросвещённого человека. И лишь человек, обладающий хоть какими-то научными компетенциями и элементарным мировоззрением, смог бы заметить, что седая накипь на цилиндре была не просто обычным окислом, образовавшимся во время приземления от действия огромных температур и чудовищного давления, и что изжелта-белый металл, выглядывавший из-под крышки, был слишком уж невиданного на Земле оттенка. Этот оттенок можно было бы с полным основанием назвать словом «внеземной», но абсолютному большинству зрителей, веками утыкавшимися взором в землю, такое слово до сих пор, я полагаю, вообще не скажет ничего.

Мои колебания и сомнения в том, что цилиндр свалился с Марса, практически совсем рассеялись, но я по-прежнему считал невозможным, чтобы в нём оказалось уцелевшей хоть какая-то живая сущность. Замеченное развинчивание верхушки цилиндра я объяснял автоматическими конвульсиями приходящего в упадок и остывающего чрезвычайно сложного механизма. Я не считал нужным спорить с Огильви, но сам утвердился в убеждении, что на Марсе есть разумная жизнь. Я предавался несусветным обывательским фантазиям о том, что наверняка внутри запрятано какое-нибудь послание, запечатана железная капсула, инкунабула, испещрённая неизвестными символами. В силах ли мы, просвещённые представители человечества, перевести это послание, расшифровать его, найдём ли там денежные знаки неизвестной цивилизации, разные банкноты, монеты, артефакты? Будет ли там возвзвание инопланетной цивилизации?

Всё это было очень завораживающее. Хотя в цилиндре было, пожалуй, слишком много пространства, там должно было быть вообще много всего удивительного. Меня распирало любопытство, и я хотел посмотреть, как выглядит эта штука изнутри.

Стесав в блужданиях вокруг да около цилиндра половину подмёток и убедившись, что ничего экстраординарного не происходит, к одиннадцати часам я вернулся домой в Мэйбэри. Но уже браться за отвлеченные умствования, как оказалось, времени не было.

Однако в полдень пустырь стало невозможно узнать. Утренний выпуск вечерних газет привёл в бешеное движение весь Лондон: «Месседж Марса», «Немыслимая посадка в Укинг» —

пестрели заголовки газет, удивляя всё более крупным кеглем шрифта. Последней каплей оказалась телеграмма Огильви в адрес Астрономического Общества. Она взбаламутила и привела в движение и все крупнейшие британские обсерватории.

Близ дороги у песчаного котлована скопилось полдюжины пролётов, только что прибывших со станции, тут же торчал одинокий фаэтон из Чобхема, карета какого-то замшелого, облезлого аристократа, и поодаль — свалка брошенных велосипедов. Множество обывателей, невзирая на духоту, явилась пешим ходом из Укинга и Чертси, в итоге здесь сбилась приличная толпа, включая даже несколько роскошно одетых дам с веерами и зонтиками.

Стояла страшная летняя жара, небо оставалось чистым, ни облачка, ни освежающего ветерка, ни дождичка, и даже тень под редкими окрестными соснами не могла спасти от зноя. В воздухе носилась въедливая гарь — последствие травяных пожаров последних дней. Они уже заканчивались. Вереск прогорел уже почти весь, и обширная равнина, простиравшаяся почти до самого Оттершоу, привычно чернела, дымясь, разражаясь отдельными всполохами врем от времени возрождавшегося огня. Но новая сенсация по-прежнему толкала множество любопытных Варвар в неблизкий путь. Рачительный владелец бакалейной лавки близ Чобхемского тракта, почувствовав неминуемую выгоду от всей этой заварухи, пригнал своего сына торговать с тележки зелёными яблоками и имбирным лимонадом в бутылках.

Подойдя к краю воронки, я узрел в ней группку избранных, в том числе Гендерсона, Огильви и отдельно стоящего какого-то стройного белобрысого джентльмена (как стало понятно, когда я подошёл поближе, это оказался Стэнт, знаменитый королевский астроном, специалист по большим планетам), там же стояло полдюжины подёнщиков с лопатами и кирками, сплошь измазанных в глине. Стэнт размахивал руками и громовым голосом подавал команды. Воспламенившись несвойственным ему героизмом, он залез на самую верхушку цилиндра, которая, судя по всему, уже успела порядком остывть. Лицо у него было как у сваренного рака, физиономия красная, пот осыпался градом с его лба и щёк, но он, ощущив себя внезапно большой научной шишкой, был как будто чем-то очень раздосадован.

Усилиями многочисленных энтузиастов земля со значительной части цилиндра была удалена, и только самое основание его все ещё утопало в земле. Огильви заметил меня в толпе, продолжавшей тесными рядами обступать яму, и радостно замахал руками, подзываю к себе.

Когда я пробился к нему, он попросил меня побыстрее навестить лорда Хилтона, законного владельца этой земли. Наверняка вся эта возня не доставила бы ему особого удовольствия, учитывая сколько мусора должно было оставаться после посещений всех этих зрителей. Мусора и в самом деле было немало.

Он напирал на то, что всё умножающаяся толпа народа (тут он брезгливо показал пальцем на праздношатающихся) и, в особенности, хулиганьё-мальчишки, очень мешают ведению работ. Посему следовало бы отгородить ареал работ от праздной публики или вообще как-то избавиться от неё. Это можно было бы легко сделать, сославшись на чрезвычайную опасность объекта, но он пока что не решался этого сделать. Также, по большому секрету он сообщил мне, что из цилиндра то и дело доносятся какие-то слабые шорохи, и что рабочим, несмотря на неоднократные попытки, так и не удалось отвинтить крышку. Я ничуть этому не удивился, так как даже на глаз было видно, что ухватиться тут не за что. Огильви сетовал, что толщина стен цилиндра, без сомнения, очень велика, и что это, похоже, сильно глушит шум изнутри.

В тот момент мне было очень лестно его преувеличенное внимание, и, честно говоря, я был искренне расположен тут же исполнить его просьбу, не без оснований надеясь попасть в число немногих избранных, кому должна была выпасть честь быть допущенными к предстоящему вскрытию цилиндра. Лорда Хилтона дома не оказалось, зато я узнал, что он прибывает из Лондона с шестичасовым вечерним поездом. Поскольку было только около четверти шестого, и времени было вполне достаточно, я заскочил домой почёвничать и прошерстить свежую прессу, и только потом отправился на станцию, надеясь перехватить Хилтона на полу пути домой.

4. Цилиндр развинчивается

Когда я снова вступил на пустошь, Солнце уже скатывалось за горизонт. Публика из Уоркинга продолжала валить валом, только парочка каких-то разочарованных отморозков возвращалась в посёлок, вяло перебрёхиваясь и обмениваясь замшелыми школьными шуточками. Столпотворение вокруг воронки бурлило, как вода в унитазе, чёрными контурами мелькая на лимонно-желтеющем фоне неба. По моим подсчётам теперь вокруг воронки было больше сотни человек. С другой стороны воронки люди что-то выкрикивали, да и около самой ямы не прекращалась какая-то мышиная возня. Чувство тревожного предчувствия всё сильнее обволакивало мою душу. На сердце у меня было тяжело и неспокойно, и сколь я ни гнал от себя самые мрачные ожидания, настроение моё становилось всё более гнетущим. Пробиваясь сквозь толпу, я услышал голос Стэнта:

– Осади на плитуар! Прочь!!

Какой-то мальчишка пробегал мимо и, испуганно кося глазом, шептал на бегу:

– Оно всё вертится! Вертится всё быстрее! Мне что-то нехорошо! Пойду-ка я лучше домой!

Я снова стал пробираться поближе. По окруже, рассеявшись, стояла довольно густая толпа – не менее двухсот-трёхсот человек. Люди скапились, и стояли всё более тесной толпой, все толкали друг друга и оттаптывали друг другу ноги. Особенную активность проявляли кучки нарядных дам.

– Кто-то свалился в яму! – вдруг раздался громкий крик.

– Все назад! Не напирайте! – вторили многочисленные голоса.

На мгновение толпа отхлынула, и мне удалось немного протолкаться вперёд. Все были сильно возбуждены. Мне был слышен неприятный, глухой шум, мерно нёсшийся откуда-то снизу.

– Да найдётся ли хоть один, кто усмирит этих идиотов! – разражённо крикнул Огильви, – Такое впечатление, что перед нами дети, которых не интересует, что внутри этой проклятой штуковины и которые не ведают слова опасность!

Тут показался молодой денди, по-моему, приказчик из Уоркинга, который залезал на цилиндр, и упал, а теперь, пытаясь поскорее выбраться оттуда, куда его незадолго до этого спихнула толпа, оскалился на крутом склоне.

Верхушка цилиндра продолжала медленно отвинчиваться изнутри. Уже не менее двух футов свежей винтовой нарезки весело блестело на Солнце. Рядом со мной оступился грузный, высокий мужчина. Он случайно ткнул меня в бок, и я поневоле споткнулся. Меня тоже чуть было не скинули на поворачивающуюся крышку. Тут меня что-то отвлекло. Я оглянулся, и, пока смотрел на что-то в другую сторону, винтовая резьба, должно быть, закончилась, крышка цилиндра со звоном отвалилась на камни. Разворачиваясь, я пнул кого-то сзади себя и снова обратил свой взор на цилиндр. Круглое огромное отверстиеказалось совершенно мёртвым, чёрным глазом. Заходящее Солнце слепило меня. Последние лучи Солнца били мне прямо в глаза.

Нас всех мучила общая уверенность, что сейчас в отверстии что-то зашуршит, и оттуда высынется хотя не точная наша копия в шляпе, пенсне и тростью, но нечто напоминающее человека.

Я был абсолютно уверен, что всё произойдёт именно так. Никаких сомнений в этом у меня не было. Но мой взгляд словно приклеился к тому, что было внутри: в полуутёме перекатывалась какая-то серая, бородавчатая, текучая масса и блестели ослепительные диски, которые я сразу определил, как глаза. Спустя мгновение нечто вроде покрытой чешуёй серой змеи,

как мне показалось, не толще трости, кольцами стало выплёскиваться на стенки цилиндра и, извиваясь, устремилось прямо ко мне, сначала одно, потом другое.

Дрожь отвращения и ужаса пронзила меня.

Я был охвачен дрожью. Дико кричала какая-то старая женщина. Не сводя глаз с цилиндра, из которого выпрашивались все новые щупальца, я встал вполоборота, и начал пробиваться, стараясь очутиться как можно дальше от края карьера. Лицах окружающих людей меняли выражение. Если раньше там было, как правило, удивление, то теперь царил вселенский ужас. Крики раздавались теперь со всех сторон.

Толпа пятилась все активнее. Приказчик копошился внизу и никак не мог покинуть ямы. Ещё несколько минут, и я

остался в одиночестве. Я видел, как люди разбегались, кто куда, там, по другой сторону ямы. Стэнт оказался там тоже. Я повернулся и снова посмотрел на цилиндр и превратился в соляной столп от ужаса. Я был точно в столбняке, и мог только смотреть, не имея сил даже сдвинуться с места.

Крупная серовато- пятнистая рыхлая туша, размером, где-то, с медведя, натужно, с усилием выползала из дыры. Попав на яркий свет, она стала лоснится, как мокрая лайка. Пара больших тёмных зрачка пристально вперились в меня. Голова монстра была поразительно кругла и, если так можно сказать, завершалась неким подобием лица. Прямо под глазными впадинами помещался рот с очень подвижными, нервными краями, которые подрагивали, дёргались, и испускали струи слюны и слизи. Дыхание монстра казалось чудовищно затруднённым, при глубоких и сиплых вдохах и выдохах всё тело его нервно подрагивало в такт пульсирующей крови. Одно из тонких щупалец подпирало край цилиндра, тогда как другое мерно покачивалось в воздухе.

Человеку, которому не пришлось воочию увидеть живого инопланетянина, почти невозможно вообразить всю непредставимую страхолюдность его внешнего облика.

У него был огромный треугольный рот с сильно нависшей верхней губой, лба я не заметил вовсе, по всей видимости его не было, так же не было заметно никаких свидетельств подбородка, просто клинообразная губа внизу сходила на нет. Никогда не прерывающийся тик влажного, слизистого рта, эти беспокойные щупальца, схожие со змеями из причёски Медузы Горгоны, утяжелённые, придавленные вздохи и выдохи, явное свидетельство враждебной организму атмосферы, странная протяжённость движений, неразворотливость их – всё это казалось мне последствием ужасной силы земного притяжения, ставшего проблемой для незваных гостей.

Особенно выделялись гигантские, водянистые, полные слизи, приковывающие взглядом глаза – они были омерзительны до рвоты.

.Навощённая, бугристая кожа издали казалась скользкой, медленные, казавшиеся немотивированными конвульсивные движения спрутовидных отростков могли ввергнуть в непреодолимый ужас. Первое впечатление, первый взгляд всегда самый важный. И тогда самое первое впечатление, самый первый взгляд было отвратительно, и наполнило меня смертельным ужасом и отвращением.

Вдруг монстр исчез. Он наконец перекатился через край цилиндра и упал в яму, шлепнулся, как тяжёлый тюк шерсти. Мне стал слышен неприятный глухой звук, и тотчас же за первым чудовищем в темном провале показалось и второе.

Инстинкт, ужасные ожидания окончились вместе с оцепенением, тут я повернулся и как оголтелый помчался назад к деревьям, скопившимся в каких-нибудь полусотне ярдов от цилиндра. Но так как я бежал, постоянно оглядываясь, боком, я всё время спотыкался, боясь отвести взор от этого кошмара.

Отбежав, я остановился в молодом сосняке за кустами дрока, и, задохнувшись от быстрого бега, в растерянности стал озираться, не понимая, что делать дальше. Пустошь, вытоп-

танская вокруг ямы, по-прежнему была наводнена людьми, которые беспорядочно метались и вопили, с ужасом поглядывая на копошащихся чудовищ, которые время от времени приподнимали свои серые туши над краем ямы, в которой они пребывали.

Внезапно боковым зрением я заметил что-то быстро сметившееся, круглое, чёрное, как бы подпрыгивающее из ямы.

Это металась голова угодившего в яму продавца. В закатных лучах она казалась совершенно чёрной. Его прыжки продолжались некоторое время, потом он как будто подтянулся и на мгновение стали видны его покатые плечи. Потом что-то случилось и он резко исчез, как будто его кто-то резко дёрнул снизу. И снова над краем задёргалась часть его головы. Наконец с диким воплем он исчез совершенно. Может быть, это и было следствием ужаса, но мне в самом деле показалось, что вслед за этим откуда-то снизу раздался отчаянный, глухой крик.

Первым повелением моего отчаянного сердца было броситься вперёд и попытаться помочь упавшему, но страх словно приkleил мои ноги к земле.

Больше за взрытым множеством ног грязным песком ничего не было видно. Неожиданно всех праздных путников, пересекавших Чобхемский тракт и шедших в сторону Уокинга, привлекло бешеное движение около котлована: сотни людей до того мирно переминавшиеся на разном расстоянии от ямы, вдруг стали хаотически разбегаться, устремляясь к кустам и пытаясь укрыться за воротами и оградами. Там они на время залегли и старались отдышаться, обмениваясь хриплыми криками, а потом начинали молча вытягивать шеи по направлению к опустевшей пустоши. Песок не шевелился. Забытая бочка с имбирным лимонадом мрачно чернела на фоне огненных парусов заката, распахнувшихся на всю ширину неба, и у самого края песчаного карьера замерли пустые кареты и экипажи с дверьми нараспашку. Лошади бродили по округе, рыскали овёс, таскали его из раскрытых торб, ржали и порой беспокойно били копытами в землю.

5. Тепловой луч

Жуткое воспоминание о марсианах, ползавших по блестящим поверхностям цилиндров, которые они устремили на Землю со своей планеты, парализовал мою волю и смущил меня. На Земле много проблем и от людей, которых хорошо знаешь, а вот что ждать от живой материи других планет, прояснялось только сейчас. Сколько времени я стоял в колючих кустах вереска, скрытый до колен, я не помню. Я стоял и не мог отвести ошеломленного взгляда от груды взрывающегося песка. Страх и любопытство вели смертельную борьбу в моей душе.

Мысль снова устремиться к яме, и взглянуть, что происходит внизу, не оставляла меня. Я стал кружить по окружности, как дикий зверь, пытаясь отыскать самое удобное место для наблюдения и одновременно постоянно оглядываясь на кучи развороченного песка за спиной. Там остались пришельцы с Марса, и мне теперь было совершенно понятно, какую страшную угрозу они таят для меня и окружающих. Но проявлений активности инопланетян наблюдалось мало. Как-то раз уже в закатной полумгле за песком замельтило несколько каких-то длинных чёрных конечностей, наподобие щупалец осьминога, которые тут же скрылись. Через некоторое время из-за песка стала подниматься тонкая многоколенчатая мачта с неким овальным предметом наверху, который медленно вращался по часовой стрелке, чуть подрагивая.

К тому времени толпа разбилась на две неравные группы: одна, много больше, – оказалась со стороны Уокинга, другая, небольшая, – со стороны Чобхема. В глазах людей я видел страх и растерянность, и понимал, что они не понимают ничего, и так же как я, находятся в глубоком стрессе.

Мне показалось, что некоторых в толпе я знаю, но это было лёгким заблуждением, я просто спутал кого-то.

Невдалеке несколько человек безмолвно стояли поодаль, недвижные, как статуи в какой-то странной скульптуре. Одним из них оказался моим соседом по дому, и хотя я не знал его имени, я всё же попытался заговорить с ним. Однако я тут же понял, что избрал неудачный момент для разговора, мрачное лицо моего собеседника свидетельствовало, что он едва способен понять меня.

– Там ужасные твари! – раз за разом мёртвым голосом твердил он, – Ужасные! Боже мой, лучше бы мне не пришлось видеть такое! Боже мой! Какие они жуткие!

Он повторял это раз за разом, как автомат, механическим голосом, несколько раз.

– В яме остался человек! Он там ещё? – спросил я, но он замолк, невидящими глазами вперяясь в пространство, и видимо, так и не услышал моего вопроса.

Я приблизился к нему. Теперь мы стояли совсем рядом, и я чувствовал, что стоять вот так, рядом с кем-то – не так жутко, как пребывать в одиноком предчувствии чего-то ужасного. Рядом с ним мне было теперь как-то спокойнее.

Чтобы было удобнее смотреть, я стал искать возвышенное место, и мой взор остановился на бугре, на ярд возвышавшемся над окрестностью.

Потом я оглянулся, и увидел соседа, мирно трусиившего по направлению к Уокингу.

Солнце стремительно уходило, и скоро сумерки простёрлись над степью. Было тихо, и оттого, что ничего не происходило, иногда начинало казаться, что больше ничего и не произойдёт... Может быть, поэтому у людей, привлечённым любопытством, складывалось впечатление обманчивой безопасности и покоя, и всё новые толпы заполняли тёмную территорию. Анализируя свои тогдашние впечатления, я часто ловил себя на мысли, что сравниваю свой легкомысленный оптимизм той поры с каким-то внутренним духовным наркотиком, который впрыскивается в человека только в минуту его длительного нахождения в толпе. Толпа слева от нас, та, что была ближе к Уокингу, явно увеличивалась, и я слышал её растущий смутный

гул. С другой стороны людские толпы, рассеянные по дороге к Чобхему, тоже медленно смещались к карьеру. В самом карьере всё молчало.

Человек по своей сути, большинство людей по преимуществу легкомысленны. Это было замечено давным давно, задолго до меня, но здесь легкомыслие проявлялось в своей классической форме с невиданной силой.

Затишье слишком затянулось, и зрители стали наглеть. Я думаю, в этом феномене были виновны орды новоприбывших.

Зрители наглели всё больше! Новоприбывшие из Уокинга явно взбодрили толпу! Полумрак не мог скрыть мерного, медленного перемещения толп людей по песчаным кучам – разговаривали люди мало и почти абсолютная тишина обволакивала это самоуспокаивающееся сообщество.

Черневшие на фоне меркнущего неба фигуры, двойками, тройками, передвигались, порой затормаживая и останавливаясь и снова двигались, образуя какие-то почти симметричные фигуры. И эти перестроения были такими неожиданными и причудливыми, что постороннему зрителю могло показаться, что какой-то безумный инструктор командует этими мерными перемещениями. Это было похоже на какой-то медленный танец. Наконец толпа приняла форму полумесяца, чьи крутые рога охватывали уже практически невидимую яму. Растигаясь тонким неправильным полумесяцем, рога постепенно охватывали яму. Я оказался внутри полумесяца, и стоявшие бок-о-бок со мной рабочие стали оттирать меня к её краям.

Кучера давно уже покинули свои экипажи, и кучкуясь подле одиноких карет, пытались сохранять присутствие духа, нарочито громко разговаривая. Они увлекали всё новых смельчаков к створу ямы, зиявшей в земле, как гигантская уродливая могила. Тут я услышал внятный стук копыт, потом из мрака раздался скрип колёс. Бледный молчаливый мальчик прикатил к самому краю ямы тележку с яблоками и сладостями. Ему явно было не по себе, и движения его тела явно скованы. Он как будто одеревенел. Минут десять всё было тихо, потом слева от ямы, ярдах в тридцати раздался какой-то шум, и передо мной проскочила группа едва различимых людей. Они, как оказалось, были ходоками из Хорселя. Впереди группы шёл плотный мужчина, который нёс в одной руке белое знамя. Делегация из города прибыла не ко времени, и я улыбнулся, представив себе, как эти ходоки человечества в абсолютной темноте заглядывают в зев котлована и пытаются подобрать нужные слова, чтобы вызвать на беседу невесть кого. Мне, видевшему отвратительные щупальца этих огромных земноводных медуз, стало ещё смешнее, когда я вообразил глаза этих зверей на дне котлована с невольным прищуром – не попали ли они на свою голову в огромный сумасшедший дом. Я уже понял, что самый вид этих существ лучше любых слов говорит о том, что они прибыли сюда не затем, чтобы вести досужие разговоры и заниматься детской благотворительностью, и что у них в головах содержатся гораздо более серьёзные планы относительно нас, людей, чем участвовать в научных конференциях Оксфорда.

Флаг продолжал двигаться, появляясь то слева от меня, то справа. Лиц не было видно совершенно, да мне этого и не нужно было. Я не осознавал в полной мере степень своей усталости, и видел всё словно в каком-то вязком тумане. Теперь люди были довольно далеко. По тембру голоса одного из них я узнал Огильви. Моё предположение, что рядом с ним обязательно тусуются Стэнт и Гендерсон подтвердилось почти сразу – эти неунывные идеалисты продолжали тешить себя надеждой встретить делегацию инопланетян, завязать с ними дружеские отношения, а может быть даже горячо жать им в конце концов их лапы, щупальца или хвосты.

Все остальные, разбрехавшиеся по окрестностям туристы потихоньку стали примагничиваться к белому флагу, образовав вокруг него широкий круг, а остальные, пропадая во тьме, недвижно стояли на отдалении от котлована.

И тут вдруг внезапно что-то невероятно яркое блеснуло в темноте, и этот эффект был столь неожиданен, что я даже не заметил, сопровождалось ли это какими-то звуками, или нет. Вспышка была такой яркой, каких не бывает даже от самых мощных магниевых вспышках, применяющихся при фотографировании. Мгновенно вспыхнул и пронзил мрак этот смертельный зелёный луч, и поверх него взмыли три грандиозных клуба ядовитого дыма, такого же зелёного, но менее яркого цвета.

Эта вспышка сопровождалась неприятным шипением, и была так неистово ярка, что аспидно-чёрное небо над тем, что можно было бы легко назвать «пламенем» и ссохшаяся, выгоревшая степь, плавно уходившая вдали до самого Челси, подёрнувшаяся вечерним туманом и изредка испещрённая корявыми соснами, после того, как свирепое сияние на мгновение исчезло, стали абсолютно чёрными. Я уловил едва слышное, как мне показалось, шипение над собой. Белый флаг продолжал качаться над сплошённой около него толпой. В мелькнувшем сиянии отобразились бледные, с зеленоватых оттенком, совершенно растерянные, перекошенные лица людей и их силуэты, замершие в разных позах.

Шипение стало громче, и нарастая, за какие-то мгновения превратилось в какое-то жужжание, протом в глухой рокот, и в мелькающих отблесках над ямой мелькнула согбенная чёрная тень. Луч вспыхнул снова, как будто его первое пробуждение было всего лишь пробой светового пера. Цвет этого светового потока был неописуем. Одно можно сказать, что ничего более нечеловеческого, более извращённого, искусственного, ни я, ни все остальные никогда до этого не видели.

Луч резко дёрнулся и уткнулся в кучу людей возле белого стяга.

Казалось, невидимое сияющее нестерпимым светом копьё вонзилось в толпу, прошлось по стоящим впереди, сразу превратив их в пылающие белые факела. Раздались дикие, нечеловеческие крики, и вся эта группа заметалась на моих глазах, корчась и визжа от боли. Люди катились по земле, крутились вокруг своей оси, шатались и бросались на землю. Те, кто был сзади сразу поняли чудовищную опасность, обрушившуюся на них и стали стремительно разбегаться по пустоши.

Доля секунды потребовалась мне, чтобы оценить всю чудовищность происходящего. Это возвращало меня в дремучие времена дикости и инстинктов, когда животные боялись огня. Теперь я словно стал волком, в пасть которого ткнули факелом, и боль от этой вспышки сразу запечатлелась ужасом в усталой, тёмной голове.

Но ещё несколько мгновений меня как будто не покидала надежда, что это просто какой-то фейерверк, или глупая шутка школьника, подкравшегося под покровом темноты к туристам и запустившего ночью петарды, чтобы насладиться испугом собравшихся. Просто прикол, шутка! Нет, это было не то! Дело обстояло гораздо хуже!

Белая смерть стремительно переходила от одного человека к другому. Хотя ужас заставил меня съёжиться, другое чувство было гораздо более сильным – чувство какой-то нереальности, вневременности, чувство, что происходит что-то очень странное!

Всего одна вспышка – и человек сначала заливается невероятной силы светом, а потом на мгновение словно исчезает из поля зрения, чтобы мгновенно стать видным уже на земле, где он корчится в последних муках смертельной агонии. Уже горели дальние сосны и пламя, трещя и извиваясь, падало на землю, поджигая сухую траву и сучья. Занимался повсюду дрок. Пожар начинался не только у ближайших к нам деревьев, но и быстро охватывал вековые дубы Нэл-Хилла, и уже издали видно было, что горят не только кроны деревьев и трава, но и заборы, ворота и старые сараи, громоздившиеся вдоль дороги.

Самым страшным было то, что никто не мог понять суть этого смертоносного луча. Человек может приспособиться к тому, что смерть неизбежна, что больной человек может медленно уходить и бывает так, что он должен уйти, но смерть мгновенная, смерть трагическая и маломо-

тивированная, нежданная смерть здоровых людей всегда потрясает человеческий разум более всего.

Этот огненный луч, смертельный раскалённый до немыслимых температур, перемещавшийся дёрганными синкопами по местности, ударял в цель всегда с нечеловеческой точностью, и его мгновенные попадания всегда несли неминуемую и страшную смерть.

Полоса пожаров следовала за траекторией огненного луча. Сначала задымилось слева от меня, и зона огня стала медленно приближаться. Но хотя луч неминуемо должен был пройти по мне, я, как заворожённый, пришипленный к земле, оставался на месте, не имея сил не то, что бежать, вздохнуть! Я был потрясён увиденным и пережитым, и понимая, что должен сию же минуту спасаться бегством, расширив глаза, смотрел на это шишающееся безумие.

Карьер освещался лёгким зелёным светом и из него неслось непрекращающееся ровное гудение, подобное тому, какое ощущается под проводами высокого напряжения или производит мощный трансформатор.

Словно перст небесного воздаяния, шипя и воя, эта виртуальная свирепая трость мерно двигалась по степи, выжигая всё на своём пути. Иногда мне казалось, что эти циничные марсианские шутники начинают прикальваться и чертить по живому разные математические фигуры, паработы, гиперболы или даже более сложные фигуры, которые что-то значили для них, совершенно не означая ничего для нас. Это были невероятно умные существа, ибо в их сердцах не могла проникнуть даже тень мысли о сочувствии и вспоможении чужим. Чужой должен был быть повержен и уничтожен только потому, что он чужой, независимо от того, старик ли это, зрелый человек или младенец, и они планомерно и без особых эмоций занимались своей божественной миссией на Земле.

Наконец огненные кривые стали сливаться в один сплошной бушующий вихрь. Иногда моего уха достигали отчаянные взвизги мужчин и женщин, громкое, внезапно обрывающееся ржание лошадей. Куда ни брось взгляд, земля пузырилась, вздымалась и шипела.

Вдали в створе дороги, уходящей к станции Уоркинга, мелькнуло что-то очень яркое, и тут же раздался резкий, громкий грохот, точно такой же, какой как правило раздаётся в трюме огромного океанского лайнера, когда он тонет, переворачивается и, как огромный мёртвый кит, уходит под воду – там, грохоча, словно срывались с креплений колоссальные стальные конструкции и падали величественные клёпаные балки.

Казалось, что на пустоту пронеслась ночь ада, но анализируя свои впечатления, я быстро понял, что всё произошедшее уложилось буквально в несколько сцепментированных ужасом секунд! Всё это длилось всего-то несколько секунд!

Воздух был буквально насыщен болезненым запахом больничного озона.

Мысли о том, что я уцелел, и возможно, это самое великое чудо, которое когда-либо случалось на Земле, не покидала меня, хотя я понимал, сколь легко будет всевидящему Божественному Провидению исправить это мелкое досадное упущение.

Внезапно ровный зуммер стал прерываться, и его сменили другие звуки – звуки работы каких-то мощных, дребезжащих моторов.

Так наверно ревели глотки динозавров, когда их сминал дикий вихрь, образовавшийся после падения метеорита. Купол, ещё минуту назад с воем возвышавшийся над дырой котлована, вдруг завибрировал, заверещал и, разгоняя волны зелёного ядовитого пара, медленно ушёл в землю, как будто его и не бывало.

Повторяю, всё это случилось так стремительно, что мысли даже не успели проскочить по моей голове, не говоря уж о том, чтобы шелохнуться или попытаться сбежать. В глазах у меня стояла мельтешащая рябь – неистовый поток света явно на время ослепил меня. Свет этих излучателей явно обладал каким-то слишком ощутимым вредным действием, по крайней мере, на человеческие глаза.

Теперь надо было оценить совершенство геометрических построений марсиан. Они чуть-чуть не успели завершить прочерчивать гигантский круг, в конце которого находился я, и если бы им это удалось, от меня несталось бы и мокрого места. Но судьба пока что решила не лишать меня милости и обнесла вокруг меня свой пылающий клинок. Сил возносить благодарения за её милосердие у меня уже не было.

Погасший внезапно неистовый световой поток сделал и так непроглядную темноту совершенно аспидной. Мрачные тени метались в свете догоравшего пламени. Жуткий абрис холмистой пустыни терялся в каком-то зеленовато-белом мороке. В этой абсолютной черноте только полоска вьющегося шоссе отбрасывала едва видными отсветами под тёмно-синим меркнущим небом.

Люди испарились. Ни звука человеческой речи, ни стона раненого или обожжённого я более не слышал. Тут только я заметил, что в самом верху небес по-прежнему видны яркие глаза звёзд, да где-то далеко на западе, как предвестник рассвета, начинала загораться мутная зелено-серая полоса. Чёрный абрис леса и контуры готических крыш Хорселла резко обозначились на ночном небе.

Было тихо. О, как тихо было вокруг! Ни звука, ни шума ветерка в кронах, ничего!

Теперь тайные орудия марсиан были скрыты в земле, и над дымящимся котлованом одиноко торчала, как игла, их блестящая мачта с непрерывно вращающимся зеркалом наверху. Вблизи дотлевали кусты и деревья, а вдали, над невидимыми во мраке домами пригородов Уоркинга ревели снопы яркого пламени.

Я испытывал странное ощущение. Ночь и та картина, которую я теперь видел перед собой, вовсе не говорила о том, что всего несколько минут назад над этим местом разыгралась ужасная, непредставимая по масштабам трагедия. Всё вроде бы оставалось на месте, и эти волны огня и разрушений, казалось бы, не прокатывались по земле. От несчастной группы волонтёров под белым флагом не осталось даже головешек, и протерев глаза, я осмелился вопросить себя, а может быть, эти люди и это белое знамя было всего лишь моим глупым видением, плодом фантазии усталого, зачумлённого ума, а их на самом деле не было, никого не было, и никому в голову не пришло в голову нарушить гармонию этого прекрасного летнего дня?

Вдруг до меня дошло, что здесь я остался вообще один, вокруг нет ни одной живой души, и помочь мне некому, я беззащитен и одинок, как перст! Страшная плита страха придавила меня, холода и лишая последних сил. Ужас! Какой ужас! Какая страшная беда, беда, которой могло бы не случиться, обрушилась на этих людей и меня! Какая трагедия!

Тут только я словно проснулся и дико побежал, то и дело падая и спотыкаясь в темноте в зарослях вереска.

То состояние, в котором я бежал по сожженной пустоши, едва ли можно охарактеризовать одним словом «страх». Это был страх, возведённый в квадрат, в куб. Ковырные марсиане таились где-то рядом, буквально в нескольких метрах, и опасность, шедшая от них была во много раз страшнее, чем опасность очутиться безоружным перед мордой льва или крокодила. Этот ужас подогревался царившей вокруг кладбищенской тишиной и абсолютной темнотой. Полная растерянность овладела мной. Я бежал, опустошённый до дна, всхивая и роняя слёзы, я рыдал так, как никогда и нигде не рыдал в детстве. Но больше всего я боялся оглянуться. Лучше умереть сразу, но умереть, зная, что следом за тобой трусит бесформенная, непонятная Смерть, от которой нет спасения, для которой ты — жалкая игрушка — это уж выше понимания! В меня вселилось непреодолимое ощущение, что кто-то внимательно следит за мной холодным, циничным взором, играя с мной, как кошка играет с голым пленным, несчастным мышонком, чтобы, чуть отпустив от себя и едва дав надежду на спасение, в момент, когда всё будет говорить за то, что вот, чудо произошло, я спасся, вонзить в меня склизкий зловонный щуп, или прямо под носом вспыхнет зелёная яркая вспышка, и кто-то вёрткий

и хваткий, как Смерть выскочит из ямы, и в этот жуткий миг своей жизни, под чей-то сатанинский хохот, и я в последнее мгновение жизни увижу на небе только меркнущий тусклый Марс.

6. Зелёный луч Чобхемской дороги

Никаких объяснений, как марсианам удавалось так легко и бесшумно истреблять города и такие массы людей, не получено до сих пор. Об этом велось много споров, которые, впрочем, не стихли до сих пор, но эти споры так и не поставили точку и ничего не разъяснили относительно истинных технологий инопланетян. Особенно популярным среди исследователей было мнение, что марсианам каким-то способом удалось концентрировать какую-то материю в очень малом объёме, обеспечив этой среде колossalную температуру, и последствием такого сочетания – особой среды и гигантской температуры у них появлялась возможность испускать избыток энергии карпускулами, которые из-за малых промежутков времени между ними визуально сливались в сплошной тепловой луч. Ясно, что концентрировать такую энергию, такие гигантские температуры стало возможным только потому, что у них был особый материал камеры, которая могла выдерживать такие температуры. Понятно также, что ничего подобного в то время у землян не было, да и сейчас, кажется, таких материалов, даже после марсианского нашествия, у нас нет. Ещё более непонятным до сих пор осталось устройство форсунки, через которую выбрасывался этот гибельный, смертельный для такой массы людей, луч. Свойства материала, из которого сделана форсунка должны были быть ещё более уникальными, чем материал самой камеры. В момент, когда в камере достигалась максимальная температура, из этого сопла в сторону избранной цели выбрасывалась очередная порция концентрированной световой энергии определённой частоты, и концентрация этой энергии производилась при помощи либо одного, либо нескольких параболических зеркал, сделанных из неизвестного материала. Хотя в последующем в руки людей и попали остатки этих конструкций и зеркал, но многого добиться в изучении материалов, из которых они были сделаны, не удалось, ибо они от невероятно интенсивного использования потеряли свои свойства и представляли собой просто очень сильно окисленные и искорёженные поверхности. Действие этого оружия было подобно работе большого маяка, где гигантское зеркало выбрасывает время от времени сильные снопы света. Доказать эту теорию так и не удалось, не только из-за недостатка данных, но и по причине таинственной смерти профессора Феликса Марче, который денно и нощно, до своего таинственного исчезновения, изучал аппараты инопланетян и физические основы существования их светового луча, и как утверждали его помощники, имел секретную папку, которая исчезла вместе с ним. Одно осталось несомненным – основой убийственной мощи этих аппаратов составлял невидимый для человеческого глаза тепловой луч.

Итак, единственное, что было понято со временем, было осознание, что поражение на расстоянии осуществлялось невероятно концентрированными лучами света такого диапазона, который невидим в силу несовершенной природы глаз человека. Позже объяснилось, почему часто луч всё-таки становился иной раз видимым – это происходило только потому, что чудовищная энергия светового потока сжигала на своём пути все примеси, поневоле находившиеся в воздухе, и световой луч тогда проявлялся продуктом горения частиц, видимых на всей его траектории.

Надо сказать, что доподлинно определить температуру огненного луча на выходе из марсианской лучевой базуки, точно так же, как температуру, которая наблюдалась при сгорании объектов, попавших под действие теплового луча, не удалось. Однако все свидетели, видевшие своими глазами атаки инопланетян, в один голос свидетельствовали, что не только всё живое в нём мгновенно погибало, но и страдала неживая материя: дерево всыхивало, как спичка и мгновенно сгорало, мгновенно же плавился свинец, превращаясь в текучую жидкость, железо моментально размягчалось и начинало течь, принимая причудливые окислившиеся формы, стекло разлеталось мгновенно на мельчайшие осколки, которые (что говорит о чудовищной

температурае в них) попадая в воду, буквально взрывались, превращаясь то ли в дым, то ли в пар.

Той ночью не менее сорока человек прекратили жить и остались лежать недвижно под холодными звёздами, обезображеные и превращённые в уголь. Никого из них, когда впоследствии их убирали, чтобы похоронить, опознать не удалось. До утра дымились ставшие похожими на обугленную проволоку верески, и страшное кровавое зарево озаряло пятнистое, как будто побитое оспой, небо. Пустошь от Хорселя до Мэйбери теперь была совершенно пуста, и человеческие голоса не оглашали её, точно так же, как голоса птиц или животных. Ничего живого не осталось вокруг дымящегося котлована.

Скорее всего, Чобхем, Уокинг и Оттершоу узнали о произошедшей катастрофе одновременно. В это время лавки и магазины в Уокинге были уже все закрыты, и толпы людей, привлечённых слухами о марсианах, прилетевших на Землю и заинтересовавшихся ими, отправились дружными толпами через Хорселлский мост, а дальше по сельской дороге, обрамлённой вересковыми изгородями по направлению к пустоши и котловану.

Для любопытной местной молодёжи это был всего лишь прекрасный повод отправиться после тяжёлого рабочего дня на променад, поболтать и пофлиртовать по дороге. Тёмная дорога, по которой в обычные дни вряд ли за день проезжала пара повозок, теперь превратилась в шумный проспект, и сотни звонких голосов и смешков неслись над ней.

Само собой разумеется, ни в Чобхеме, ни в Уокинге никто не ведал, что в эти самые мгновения цилиндры окончательно развинтились, и до трагедии оставались считанные минуты.

Пользуясь передышкой, Гендерсон отослал велосипедиста-посыльного на почту отправить телеграмму со специальным сообщением для вечернего выпуска своей газеты. Люди как будто заражались друг от друга сильным волнением, и это чувство накатывало на всё собранное здесь сообщество.

Итак, начнём хронометраж. В половину девятого вечера, за считанные минуты до жуткой гибели делегации, на краю котлована скопилось не менее трёхсот человек, и от дороги, чтобы поглязеть на марсиан, двигалась толпа ещё больше. Среди толпы я обнаружил трёх полицейских, один из них был конный, в соответствиями соо строжайшими инструкциями Стэнта, они старались всячески охолонуть толпу и не допустить её к краю котлована и к цилиндуру. Не все были согласны, и несколько горячих голов, каких всегда немало там, где собирается большая толпа и можно покричать и побуянить вволю, по-прежнему прокладывала путь к проклятому логу.

В момент, когда марсиане стали вылезать из своего убежища, Стэнт и Огильви, опасаясь неизбежного столкновения и любых провокаций с любой стороны, отправились в Хорселл слать телеграммы в полковые казармы с просьбой прислать роту солдат для поддержания порядка и ограждения инопланетян от возможных нападений хулиганов. Уж чего-чего, а насилия в отношении гостей они допустить не могли. Вот они то и возвращались снова во главе несчастной делегации. Потом немногие уцелевшие после смертельной трагедии люди подробно описывали то же самое, что видел и я – последовавшие один за другим три выброса ядовито-зелёного дыма, нараставшее гудение и стремительные, ослепительные вспышки пламени с небольшими паузами между ними.

Опасность, грозившая делегации была многократно большей, чем у меня. В своём спасении многие уцелевшие не уставали благодарить вересковый холм с песчаными проплешинаами, оказавшийся между ними и источником смертельного луча. Оказавшихся укрытыми холмом луч не достиг – его энергия не могла пробивать столь мощные природные заслоны. Okажись крутящееся параболическое зеркало всего на несколько ярдов выше, никому из живых уцелеть бы не удалось. Все уцелевшие в один голос повторяли одно и тоже, и было видно, с какой силой в их мозгах запечатлелось произошедшее, малейшие детали начала катастрофы, картины падающих и корчащихся на земле людей, ощущение того, что всё происходит в соответ-

свие с каким-то тщательно выработанным планом, и ужас от чувства приближения какой-то чудовищной невидимой руки, траекторию которой в сумерках можно было проследить только по стремительно зажигающимся кустарникам.

Затем, по их словам, над их головами, заглушая мерный гул, идущий из котлована, произошла ослепительная вспышка, и нестерпимо який луч скользнул по вершинам буков, росших по сторонам дороги, а в торцовом доме, приближенном к пустоши, с грохотом обвалилась каминная труба, в стороны со страшным треском стали разлетаться кирпичи, зазвенели и рухнули стёкла и ставни, а потом рухла часть облицованного плитками фронтона, и стал заниматься огнём обнажившийся чердак.

Едва полыхнули кроны деревьев, и луч стал метаться по округе, толпа, как завороженная замерла и несколько секунд находилась словно в ступоре, не пытаясь ничего предпринять несмотря на кромешный ужас, объявшей всех. Люди, как будто не могли поверить, что огонь в состоянии коснуться и их. Они смотрели на взметённые дикой силой взвихренные листья, падающие, обугливающиеся сучья. Лишь только тогда, когда луч прошёлся по людям и вспыхнули шляпы и одежда, и раздались первые дикие, нечеловеческие вопли, всё пришло в хаотическое движение.

Через секунду отдельные крики и завывания слились в сплошной нечленораздельный гул. Полицейский, уже бросив поводья и схватившись руками за голову, громко вопя, скакал прямо через толпу.

– Нашествие! Идут! Идут! – взвизгнул откуда-то женский голос, и извивающаяся толпа, стала пятиться, отползая к Уоркингу. Люди натыкались друг на друга, давили друг друга, не обращая внимания на тела мёртвых, оползавших на землю. Все стали разбегаться в разные стороны, подобно стаду испуганных баранов. Между двумя высокими насыпями, ограничивавшими дорогу с двух сторон, благодаря ужасу и абсолютной темноте произошла свирепая давка, и многие погибли там. Две пожилые женщины и мальчик, затоптанные метущейся толпой, умирали посреди всего этого ужаса и тьмы.

7. Как мне удалось добраться до дома

Я не помню, что я чувствовал в первые мгновения нападения. Помню только, что бежал, спотыкаясь о горящие пни и сучья, деревья, прорываясь сквозь обжигающий жар горящего кустарника. Мрачная пелена нечеловеческого ужаса словно сковала мою душу невидимыми обручами, и невидимый мстительный луч, только что пронёсшийся над моей головой, казался мне мистическим мечом какого-то древнего возмездия, возмездия невесть за что, может быть, за грехи моих отцов, может быть за прегрешения всех, всего народа! В эти мгновения ужас родил во мне абсолютную уверенность, что убийственная огненная длань замахивается именно на меня, и смерть пришла именно за мной, а потому спасения нет. Луч летал столь стремительно, что я понимал, насколько его возможности больше возможностей моих ног. Я стал задыхаться. Меж перекрёстком и Хоселлом я выбрался из мелкого овражка и зигзагами побежал в сторону перекрёстка. Я бежал так быстро, что наконец окончательно сбил дыхание. Волнение и усталость сомкнулись надо мной пеленой ужаса, и я на бегу стал терять сознание. Меня повело, я пошатнулся и свалился в канаву у дороги, что была недалеко от каменного моста, дороги, через которую можно было добраться к газовому заводу. Я был недвижен. Меня как будто на время не стало.

Я не знаю, сколько времени провёл я в полной неподвижности, должно быть, я пролежал там довольно долго.

Очнувшись, я дико оглянулся по сторонам и резко сел. Несколько минут мне понадобилось на то, чтобы понять, где я, и как тут очутился.

Как ни странно, прошлый ужас слетел с меня вместе с моей одеждой. Шляпы на голове моей не было, запонка с воротничком болтала на груди. Всё как будто оставалось таким же, как было: вокруг была всё та же необъятная ночь, тёмные пространства холмов пред глазами, и неубиваемая никаким лучом Матушка Природа тоже была вокруг, в той же степени, как испепеляющий душу страх, ощущение угрозы и полной обречённости перед ней. Тогда сам воздух был насыщен запахом смерти. И вдруг всё как будто перевернулось, и я стал чувствовать совсем другое. Я не знаю, что произошло, почему так изменилось вдруг моё настроение. Во мне как будто какая-то внешняя сила переключила невидимый тумблер, и сделав только одно это переключение, я незаметно для самого себя перешёл в какую-то новую стадию – снова стал самим собой, каким был год назад, неделю, каким был вчера и несколько минут назад – рядовым скромным служащим, горожанином, примерным семьянином и посетителем клуба.

Я словно стал действующим лицом собственного кошмара, страшного сна, и все картины, представавшие предо мной – молчащая, как гроб, пустота, моё неистовое бегство, похожее на скачки зайца под дулами деревенских охотников, рождественские неистовые, слепящие вспышки света слева и справа, колоссальные взвивы огня передо мной – все это увлекало теперь меня и производило впечатление долгого болезненного сна. Потом я стал вопрошать себя, я ли это, и мой ли это сон? Что из виденного мной было сном, а что вторглось в мой мозг, как картины реальной жизни? Поверить в то, что всё случившееся со мной было самой настоящей реальностью, а не моей фантазией, я уже не мог!

Я с трудом поднялся. Последствия постоянных падений и ударов о камни теперь давали о себе знать, и стал карабкаться по крутым пандусу моста. Видимо, во время падений пострадали не только мои ноги и руки, но и голова – слушалась она меня теперь очень слабо, да к тому же и сильно болела, так же, как и мои подслеповатые глаза. Я шатался, как пьяный и, вероятно, со стороны производил довольно-таки комическое впечатление. Из-за дальней арки моста вдруг высунулась чья-то голова, и на проезжую часть выпрыгнула чья-то коренастая фигура – это был рабочий с большой ивой корзиной в руке. Второй рукой он вёл за собой маленького мальчика. Проходя мимо, рабочий посторонился и пожелал мне спокойной ночи. Я

только и мог, что открыть рот, дабы вступить с ним в беседу, но судорога так сжала мне горло, что я не мог вымолвить ни слова. Из моей глотки раздался только безобразный приветственный клёкот. Рабочий удивлённо посмотрел на меня, кивнул головой и пошёл дальше по мосту, волоча ребёнка за собой.

Экспресс на Мэйбери – прерывистая полоса клубящегося белого дыма и светящаяся полоса квадратных окон – унёсся на юг, тики-так, стучали колёса. Несколько секунд – и его нет! Кучка людей оживлённо жестикулировала у ворот дома на окраине так называемой Восточной Террасы. Ощущение, что я вернулся в реальный, знакомый мне мир, перебивалось меж тем тревожным воспоминанием – а что было там, у этого котлована? Я что-то нафантализировал? У меня был припадок сумасшествия? Всё виденное было слишком нереально, слишком фантастично, чтобы поверить во всё это!

«Нет, – отмахнулся я от вороха тревожных фантомов, – Нет! Это видение, этого не было! Этого просто не могло быть!».

Чтобы уцепиться за реальность, я стал анализировать свои ощущения. Я знал, что не был обычным человеком, и мои ощущения в экстренных обстоятельствах могли подвести меня. Я ведь и раньше испытывал не совсем обычные состояния.

В жизни я раньше иной раз сталкивался с иной раз обуревающим меня ощущением странного отчуждения от мира и самого себя. Я мог словно отделяться от своего тела, и со стороны наблюдать за собой и окружающим, ощущая при этом полную отстранённость от пространства и вещей, холодно фиксируя жизненные проявления, вне мира, вне времени, поднявшись над конкуренцией и житейской борьбой с её неизбежными падениями и бедами. Это чувство сильно обострилось в ту ночь, приняло почти гротескные формы, и я допрашивал себя, как жестокий следователь допрашивает заключённого, пытаясь убедиться, не завожу ли я себя сам, ведь могло быть так, что всё произошедшее просто померещилось мне.

Здесь всё жило прежней, нормальной, исстари заведённой, безмятежной жизнью, не ведая о том, какой кромешный ад творился всего в двух милях отсюда, где над сожжённым, чёрным полем летала стремительная Смерть. На газовом заводе по-прежнему горели все окна, и электрические фонари на подъезде к нему излучали яркий свет. Я поспешил к говорящим и остановился поодаль.

– Что слышно с пустоши? – обратился я к ним.

Мужчина и женщина подле ворот мгновенно прекратили разговор и повернули головы в моём направлении.

– Что? – как будто удивился высокий мужчина, обернувшись.

– Что слышно с пустоши? – спросил я, не узнавая собственного голоса.

– Разве вы не оттуда идёте? – в один голос осведомились они, – Вам лучше знать!

Видимо, что-то в моём поведении насторожило их, и они предположили, что я не в себе.

– Тут, на этой пустоши случилось сущее всеобщее помешательство! – как мне показалось с юмористическими интонациями изрекла женщина, проходя в ворота, – Интересно, и что они там отыскали?

– Вы, как я вижу, ничего не слышали о визитёрах с Марса? – спросил я, – О живых тварях с Марса вы не слышали?

– Батюшки! – засмеялась женщина уже откуда-то из глубины двора, – Что делается с людьми! Совсем все свихнулись! Эти газеты ещё никого до добра не довели! Сыты мы по горло всем этим! Сыты!

И добавила:

– Нет уж! Большое спасибо! Мы и пешком постоим!

И вся троица довольно заржала.

Ничего глупее моего нынешнего положения быть не могло. Хуже всего было то, что, кажется, они не испытывали желания дальше разговаривать со мной! Дурни стоеросовые!

От досады я потупился и пытался найти нужные слова, но не находил. Я открыл рот, пытаясь начать новый разговор. Мне надо было рассказать им всё, но слова внезапно застряли в горле. У меня ничего не получилось, и в этом виноват был я сам. Изо рта стали вырываться какие-то обрывки хриплых слов, и они стали просто ржать надо мной, как потешаются над пьяным, стоящим на карачках и пытающимся что-то сказать.

Наконец у меня получилось сказать какую-то полноценную фразу.

– Вам ещё предстоит услышать об этом! И это может не понравиться вам! – отчаянно завопил я и бросился домой.

Мой измученный вид ошарашил мою жену. Она отшатнулась от меня в величайшем удивлении и посторонилась, ничего не говоря. Я тоже ничего не сказал ей. Просто прошёл на кухню, упал на стул, опрокинул бокал с виски и, немного посидев, придя в себя и собравшись с мыслями, подробно рассказал ей обо всём, что видел и прочувствовал во время моего приключения на пустыре. Мы сидели на кухне и молчали. Хотя подали обед, нам теперь было не до него.

– Но во всём этом есть и хорошая сторона… – неуверенно пискнул я, пытаясь успокоить жену, – Это самые медлительные, неповоротливые твари, с какими мне пришлось столкнуться за всю мою жизнь.

Жена осталась безучастной.

– Да, они как-то ползали и перемещались в этой яме, но даже выползти из неё представляло для них непреодолимую задачу! Им как-то удалось выползти из неё, и они убили тех, кто толпился на краю, но чтобы они могли перемещаться на значительные расстояния… Нет, это полный бред! Такого просто не может быть! Знаешь, это трудно описать, они ужаснее всяких слов!

Я напрасно так травмировал мою жену! Кажется, она слишком прониклась моими страхами!

– Дорогой! Прошу тебя, ради бога, не волнуйся, не надо об этом больше ни слова! – воскликнула она, каменея и положила руку мне на лоб.

– Несчастный Огильви! – прошептал я, – Невозможно поверить, что мы тут разговариваем, а он лежит там, и он мёртв!

К счастью, жена не стала вызывать психиатра, и сразу поверила мне. Лицо её было смертельно бледно, и я не нашёл ничего лучшего, чем прекратить всякие разговоры.

Мы долго молчали, забыв об обеде.

– Нет! – вдруг сказала она, – Они неминуемо придут! Они скоро будут здесь! – как заведённая, твердила она.

Я всегда считал, что с женской интуицией не спорят никакие приборы, и если женщина что-то вбила в голову, то под этим всегда что-то есть.

Я спешно налил ей вина, она выпила, и я занялся успокоительными разговорами. Не знаю, пытался ли я убедить её, или сам хватался за спасительную соломинку своей логики.

– Я своими глазами видел – они еле двигаются! – в сотый раз повторил я, – Это какие-то гигантские медузы! Нет, не так, это какая-то мерзкая помесь медузы с каракатицей или с осьминогом!

Мои успокоительные описания имели обратный эффект.

Её глаза округлились.

– Им всё равно не сладить с земными условиями, с земным тяготением! Для них всё здесь чужое!

Жена молчала, как убитая. Мои прогнозы по поводу всесилия всемирного тяготения не очень успокоили её расстроенное воображение, и чем больше я напирал на это обстоятельство, пытаясь успокоить её и себя, тем больше чувствовал смехотворность своих доводов.

– Огильви говорил мне, что сила тяжести на земле втрое превосходит силу тяжести на Марсе! Марс многое меньше Земли! Они воспринимают свой вес на Земле в три раза более

значительным, чем там! А между тем они совершенно не тренированы, и их мускулы остались столь же слабы! Сейчас они словно налиты свинцом! Могу представить себе дикомфорт, какой они сейчас испытывают! Возможно от этого они так агрессивны! «Таймс» и «Дейли Телеграф» не раз писали о влиянии чрезмерной силы тяжести на живую материю! Но они не учли результат такого воздействия... и не предвидели, что по ним будут стрелять! Не учли, что в атмосфере Земли, по сравнению с атмосферой Марса, гораздо больше кислорода и гораздо меньше аргона! Вот что окончательно придавило этих инопланетных осьминогов! Не стоит сбрасывать со счетов, что столь сильное технологическое развитие наверняка сопровождалось регрессом их мускулатуры! У себя на Марсе они наверняка жили не силой своих мускулов, но мощью своего ума!

Только этим вечером все эти доводы стали беспокоить меня, до этого у меня не было причин размышлять об этом, и мои предположения об удивительном развитии интеллекта пришельцев и их довольно слабых тела, как компенсации их уникального интеллекта, потихоньку стали убаюкивать меня. Вино, хорошая еда, чувство безопасности в собственном доме, успокаивающие доводы, приводимые мной жене постепенно успокоили и меня самого. Не знаю почему, но я приободрился и осмелел.

— Да они просто глупцы! — наконец резюмировал я, опрокидывая очередной бокал вина, — Они сейчас находятся в стрессе, испуганы, и окутаны всецело атмосферой дикого страха! Скорее всего в их планы вовсе не входило найти здесь конкурентов, да и вообще, неизвестно, думали ли они встретить здесь какую-либо живность! Несколько хороших полковых орудий, подвезённых к яме, несколько поучительных залпов по ним, и от их фанаберии и агрессивности не останется и следа! А может быть, и будет сразу покончено с ними всеми, и тогда ни для кого из нас не будет никаких проблем! Останется только память о двух десятках людей, которых они уокошили с испугу!

Таково было победное крещендо моей проповеди, и, как ни странно, говоря это, я верил себе, как родному!

Несомненно, страшная усталость, вкупе с болезненным, чрезмерным возбуждением — последствие преждевременных потрясений, владела в эти мгновения моим языком и моими чувствами.

Этот обед я до сих пор помню во всех мельчайших деталях. Ласковое, слегка испуганное лицо жены, слегка затенённое розовым абажуром, кипельно-белая скатерть, сверкающие серебряные приборы на столе (это были сливочные времена, когда даже второсортные писатели и третьесортные философы могли позволить себе кое-что из роскоши), тёмно-бордовое вино в бокале — всё это навсегда запечатлелось в моей памяти, словно последний, роскошный натюрморт, увиденный на выходе из музея.

Я откинулся на спинку кресла и, пытаясь успокоиться, покуривал ароматную сигаретку. Я уже гнал запоздалые сожаления о бедном Огильви с его необдуманным, дурацким вояжем в самое пекло ада, и убеждал себя в абсолютном бессилии марсиан.

Так жирный, счастливый дронт на острове Маврикия, ощущая себя полноправным владельцем своей территории, мог снисходительно иронизировать по поводу корабля и пушек, а также бессилия изголодавшихся до полного ожесточения матросов.

— Завтра же, дорогая, с ними будет покончено! — уверенность сказал я.

Я даже не мог предположить, что это мой последний на долгие месяцы нормальный обед, и вместе с приходом нового дня нас начнут захлёстывать непредставимые, ужасные события.

8. Пятница. Вечер

Никто не ожидает беды там, где нет предпосылок для неё. Вокруг не было совершенно никаких поводов для беспокойства. Люди работали, работали конторы и магазины, поезда отправлялись строго по расписанию в другие города и веси. Это всегда кажется невероятным, как люди, стоявшие на грани чудовищных потрясений, не зная о них, продолжают жить обычной жизнью, ни на йоту не изменяя привычного уклада, когда на пороге уже стоит чудовищный монстр, который через мгновение разнесёт всё это мелкое, кукольное счастье в клочки. Если бы нашёлся гигантский циркуль, которым удалось бы очертить окружность пяти миль радиусом вокруг злополучного песчаного котлована в окрестностях Уокинга, то можно не сомневаться, что ни одному находящемуся за пределами этого круга (исключая, конечно, родни Стэнта, матерей велосипедистов и нескольких дюжин лондонцев, лежавших обугленными головешками на сожжённой пустоши, не пришло в голову задумываться о каком-то карьере, и не было ни одного, кому бы инопланетяне испортили настроение или пролили утренний кофе на ковёр.

Эти газетные статьи, разговор на кухне, досужие сплетни были так далеки и ничтожны от миросозерцания англичан, что могли восприниматься скорее как шутка..

Конечно, многие знали о загадочном цилиндре, и за обедом, на досуге вели о нём доморощенные разговоры, но даже пресс – конференция самого главного, самого жирного и самого говорливого инопланетянина не вызвала бы такого ажиотажа, как, предположим, военный ультиматум, предъявленный нам Германией.

Отчаянная телеграмма бедолаги Гендерсона о начавшемся развинчивании резьбы таинственного цилиндра была воспринята, как шутка гения. Такие шутки среди учёных давно уже стали притчей во языцах, и никого не удивляли. Вволю насмеявшись над нелепой телеграммой, редакция вечерней газеты послала ему насмешливый ответ с настоятельной просьбой чем-то подтвердить отправленную информацию, и не получив ответа (Гендерсон лежал мёртвый с открытым ртом в вереске), не включила в утренний выпуск его последнего взвивания.

Но даже и внутри этого пятимильного круга большинство граждан жило привычной жизнью, не обращая внимания на довольно странные события.

Поведение мужчин и женщин, с которыми мне пришлось столкнуться в тот вечер, их юмористическая реакция запомнились мне, и я понимал, что точно такую же реакцию можно ожидать и от всех других легкомысленных соплеменников.

Весь округ проводил время в мирных разговорах, обедах и ужинах, в садиках при стандартных домиках рабочие обрезали розы и копались в земле, выпальвая сорняки, матери укладывали непослушных детей спать, молодые убегали в потайные заросли липовых аллей, ученики, тоскливо подперев голову кулаками, штудировали свои уроки. Возможно, и был мизерный процент тех, кто начинал предаваться страху и сомнениям. Скорее всего уцелевшие рассказывали об ужасе, который накрыл их в песчаном котловане, и немногие начинали бегать и суетиться, но большинство пока что находилось в полном неведении о состоянии дел. Жизнь громадного большинства жителей по прежнему не выходила за рамки обычных занятий – еды, работы, сна, и в этом извечном круге интересов не могло найтись места никакому Марсу и выдуманным сказочниками инопланетян. На станции Уокинга, в Хорселе и даже в Чобхеме не было никакой суеты, и всё происходило по, казалось бы, навеки установленному расписанию.

Узловая станция Уокинга до полуночи жила, как обычно: поезда в положенное время отстаивались на запасных путях, в них доставлялась вода и припасы, ремонтирующиеся вагоны отводились на запасные пути, и озабоченные путеоходчики простукивали шасси вагонов. Всё проходило своим чередом.

Наглый мальчишка, приспособившийся нарушать монополию местного издателя Смита, бегал вдоль вокзала, выкрикивая название своей вечерней газеты.

Лязганье железных суставов поездов, гудки паровозов и шум толпы почти заглушали его визгливый голосок, возвещавший о «ярости пришельцев с Марса».

В девять часов на станции появились первые остервенившиеся и всклокоченные очевидцы трагедии в котловане. Они разглашали жуткие новости, но их вид и то, что они рассказывали ни, у кого не вызывал никакого доверия. Их приняли за каких-то пьяных шутников, и их сообщения пролетели мимо ушей горожан.

Из окон лондонского экспресса, мчавшегося в столицу, люди видели из окон вагонов далёкие вспышки возле Хорселя, искрящиеся холмы, всполохи огня и дыма, и длинную полосу низового дыма, стлавшуюся по земле. Потом какой-то кровавый морок застлал яркие звёзды, но никому и в голову не пришло как-то связать эти картины с сообщениями о странных событиях около Хоорселя. Большинство сходилось на том, что это обычные для этих мест вересковые пожары. Смутило другое – несколько человек вдруг заметили несколько домов на окраине Уокинга объятыми пламенем, какое-то смятение вокруг, и негасущие огни в остальных домах, как будто там люди не собирались ложиться спать всю ночь.

Чобхемский и Хорселловские мосты были полны людьми, плотная толпа любопытствующих всё время показывала руками куда-то в даль, и люди не собирались расходиться. Как оказалось, несколько безумных смельчаков на свою голову отправились к карьеру, и проползя по пластунски через вереск, сумели добраться почти до самого логова инопланетян. Никто никогда больше не видел их. Следом за мощным световым лучом, выбрасываемым из гигантского прожектора, следовал убийственный тепловой луч, словно прощупывавший территорию на предмет уничтожения всего живого.

Пустошь чернела под холодными звёздами, и ночь скрывала невидимые обугленные тела. Только на рассвете они снова стали видны, и в это время из ямы начали доноситься мерные металлические удары.

Такова была обстановка на вечер пятницы.

Вот так на холку нашей древней стареющей планеты Земля, готовясь вонзить в её плоть своё вредоносное жало, сел ядовитый комар с Марса – это был сверкающий цилиндр инопланетян со своей врачающейся пикой на конце.

Укол ядовитого насекомого ещё не ощущался организмом, но уже был произведён, и яд начинал оказывать смертоносное действие. Пустошь расстилалась далеко-далеко, покрытая зловещими пятнами пожаров. Прямо перед котлованом по-прежнему съёжились обугленные трупы, на фоне пепелищ они теперь были едва заметны, и лишь в немногих местах по-прежнему тлел кустарник и дымились стволы деревьев.

За зоной поражения и пожаров наблюдалась зона смятения и хаоса. Здесь не было пожаров и господства убийственного луча. Весь остальной мир вообще ничего не знал, и жизнь людей там катилась по прежним рельсам, о Хорселльском деле там вообще ничего не знали.

Инкубационный период болезни вступал в своё подготовительное действие, и подводил к моменту, когда лихорадка нашествия начнёт разрушать кровеносную систему государства, леденить нервы всего живого и умертвлять и склокоживать его мозг.

У марсиан началась эра лихорадочной деятельности, всю ночь они гремели на всю округу и производили странные, визжащие, клокочущие и режущие звуки. В котловане всё шумело. Инструменты инопланетян не останавливались ни на минуту, они трудились, приводя в порядок какие-то свои, неведомые землянам, механизмы и машины. Изредка клубы ядовито-зелёного дыма поднимались к полному звёзд небу, словно выброшенные под чудовищным давлением из гигантских сопл.

Где-то в одиннадцать сквозь Хорселл прошагала рота вооружённых гвардейцев и стала оцеплять пустошь. Через час вторая рота промаршировала через Чобхем и заняла позиции

с севера карьера. Стало известно, что несколько офицеров, прикомандированных к икермановским казармам, обходивших пустошь, сообщили о пропаже одного из товарищей, майора Идена. Ровно в полночь командир полка стал производить на Чобхенском мосту опрос очевидцев. Наконец до властей стало доходить, насколько серьёзно положение. Следующим утром, в одиннадцать часов, сообщали утренние газеты, гусары с составе эскадрона и прикомандированные к ним четыре сотни солдат Кардиганского полка, с двумя пулемётными бригадами и пулемётами «Максим» начали марш из Олдершота.

За считанные секунды до полуночи собравшиеся на дороге на Чертси недалеко от Уокинга, внезапно увидели осветившееся метеоритом небо. Он упал где-то в сосновых лесах на северо-западной оконечности Чертси. Его падение сопровождалось ярким зелёным свечением, и он был принят многими за обыкновенную летнюю молнию. Таким было прибытие на Землю второго цилиндра с марсианами.

9. Начало сражения

В субботу Англия бурлила, и всеми овладели тревожные ожидания. День оказался жарким, и оттого томительно долгим. В воздухе висела влажная духота, и барометр засвидетельствовал стремительные скачки давления – давление то падало, то скакало вверх, чего никогда не замечалось в этих краях. Сон упорно не шёл ко мне, я лежал около спящей жены и ворочался с боку на бок, не зная куда деваться от тревожных мыслей, овладевших моей головой. Так и не сумев заснуть, ранним утром я вскочил с кровати и отправился в сад. Я долго стоял под деревьями, прислушиваясь, но всё в округе было спокойно, а оттуда, где лежала пустошь, слышалось только пение одиноких жаворонков.

Перед завтраком, как обычно, заявился молочник. Скрип его тележки вывел меня из оцепенения, и я бросился навстречу этому тарахтению, чая узнать хоть какие-то новости. Мы встретились у калитки.

Он, мгновенно загорячившись, тут же вывалил мне, что ночью марсиан на пустоши окружили войска, которые, в ожидании подходящей артиллерии, пока что ничего не предпринимают. Его рассказ был прерван грохотом проносящегося в Уокинг скорого поезда. Когда поезд затих вдали, молочник продолжил дозволенные речи:

– Намеренья убивать их нет! – сказал он, – Если только есть малейшая возможность обойтись без кровопролитья, так и будет!

Начиналось обычное утро в провинции.

Когда молочник укатил свою тележку от моей калитки, я увидел появившегося в саду соседа с садовыми ножницами наперевес. Наша беседа с ним прошла, как обычно, за обсуждением каких-то мелочей, и событий на пустыре коснулась только в самом конце. Сосед выразил полную уверенность, что инопланетяне в течение этого дня будут взяты в плен или уничтожены.

– Жаль, если случится второе!, – походя заметил он. – Они, к несчастью, похоже не готовы разговаривать с нами! Очень жаль! Нам было бы очень важно узнать, как живут эти существа на своём Марсе! Судя по всему они так продвинулись по пути технического прогресса, что нам могло бы повезти, если бы они поделились своими достижениями. У них есть чему поучиться. При всех наших технических достижениях последнего века, мы по сравнению с ними – сущие дети!

Тут он подошёл вплотную к забору и протянул мне чашку со свежей клубникой. Клубника у него всегда была отменная, не чета моей. Он был завзятым садоводом и очень гордился своими достижениями.

Ему не терпелось проделиться своей осведомлённостью, и он заговорчески сообщил мне о странном пожаре в лесу около Байфлитского поля для гольфа.

– Это тщательно скрывается, чтобы не волновать общественность, но там, похоже, приземлилась точно такая же штуковина, цилиндр номер два. Это плохая новость, я полагаю!

Тут он на минуту задумался.

– Да, право же, мы многое не знаем, но с нас вполне хватило бы и одного такого аппарата, уже известно какая муравьиная возня идёт сейчас в страховых конторах Лондона. Убытки чрезвычайно велики, и, похоже, превысят всё мыслимое! – тут он добродушно улыбнулся, – Трупы кругом, сожжённые дома, лес весь погорел в округе, есть от чего задуматься и прийти в отчаянье! – тут он оглянулся и кивнул головой в сторону дымных клубов за спиной, – Самое скверное, что загорелся торф на болотах, торф поджигает хвою, хвоя не даёт торфу погаснуть! Эта история может продолжаться сколь угодно долго, хоть несколько месяцев!

На этой не вполне оптимистической мысли он оставил разговор об инопланетянах и вспомнил бедного Огильви, которого хорошо знал. Тяжко выдохнув, он помянул его отлевшую душу добрым словом.

Мы попрощались, и я ушёл домой завтракать.

Мысли о происходящем не покидали меня, и едва закончив завтрак, я принял решение, отложив неотложные дела, несмотря ни на что отправиться на пустошь. Едва достигнув железнодорожного моста, я столкнулся с солдатами. присмотревшись к ним, я понял, что передо мной сапёры. Они были в странных круглых шапочонках, замызганных, сплошь испачканных в грязи растерзанных красных мундирах, под которыми виднелись застиранные голубые рубашки. Чёрные штаны заправлены в сапоги до колен.

Они объяснили мне, что канал является границей, за которую проход запрещён.

Пройдя ещё полмили к мосту, я натолкнулся на часового, рядового Кардиганского полка. Ещё несколько солдат сидели на земле неподалёку. Я обратился к солдатам и сказал, что видел марсиан с близкого расстояния. Солдаты имели очень смутное представление о цели их пребывания здесь, ничего не знали о марсианах, тем более никто из них их не видел. Узрев такого осведомлённого гостя, солдаты обступили меня и закидали вопросами. Я спросил их, на каком уровне принято решение задействовать в этой операции войска, но они ничего не знали и об этом. Сначала они вообще думали, что их мобилизация связана с какими-то беспорядками в казармах конной гвардии.

Сапёры знали многое больше, чем рядовые. Они горячо и не без помпы обсуждали возможные последствия столь непредставимого боя. Мой рассказ о тепловом луче заворожил их, и они, переглянувшись, тут же заспорили меж собой, почти не обращая внимания на мои колкие замечания.

– А что? Надо поближе подкрасться к ним под прикрытием местности и как только они заснут, айда в атаку, – молодцевато сказал первый.

– Да уж! – ответил второй, подперев щёку рукой. – И как ты думаешь, чем на этом пепелище и на такой жаре можно укрыться? Там всё, как на ладони! Сколько человек может торчать на такой жаре, ты знаешь! Пять минут, не больше!

– Надо прикрыться фашинами хвороста и подползти как можно ближе!

– С помощью этого хвороста нас зажарят, как каплюнов – вот и всё! Ха, укрываться хворостом? А ты не пробовал тушить огонь нефтью? Надо подползти к ним как можно ближе, и по пути вырывать надёжные укрытия! Надо сжимать кольцо окружения и переходить к регулярной осаде!

– К чертям собачьим твои чортовы укрытия! Всё у тебя флеши, башни, норы и траншеи! Тебе скоро будут сниться эти чортовы укрытия! У тебя у самого рожа стала, видать от полкового супа с капустой, как у кролика, Сниппи, и сам ты стал, как кролик – всё в норе хочешь отсидеться!

Остальные слушали их, всё время поворачивая головы от одного знатока боя к другому.

– Так, значит, если не врут, у них совсем нет никакой шеи? – прервал вдруг разговор третий солдатик – низенький, как гном, маленький, меланхоличный толстячок с борзой трубкой в углу рта.

Пришлось мне, пошутив, что я, как оказалось, имею дело с обществом глухих, повторить мои описания инопланетян.

– Так получается, они вроде как сродни осьминогам? – прослушав мою биологическую лекцию, сказал толстячок, и даже попытался подшутить, – Значится, предстоит нам вести баталии с рыбами?

– С рыбами, не с рыбами, не всё ли равно! – вставил один солдат, – А только я знаю, что убивать таких тварей – вовсе не божий грех, а самое милое дельце! – вставил он, – Я бы

сейчас от осьминожины, честно говоря, не отказался бы, даже марсианской! А то нас всё какой-то гнилой кашей всё подкармливают на убой!

Все захочотали.

– Одного снаряда будет вполне достаточно, чтобы им тут же пришёл каюк! – горячился толстенький солдат, – И чем скорее, тем лучше! Они уже так набедокурили, так, что чёрт поймёт, а что у них в голове вообще не понятно! А то, как бы они ещё чего не учудили!

– И где же твои, сынок, хвалёные снаряды, а? – иронически вопросил первый, – Пушки ещё целый день будут тащиться сюда, а надо было бы уже сегодня подбросить этим парням горячих английских леденцов! Время не ждёт! Каждый час дорог! Как по-моему, их ещё вчера надо было бомбить из мортир! Кабы поздно не было! Они там ведь всё жужжат! Всегда у наших бонзиков затыки и задержки! Я этого не понимаю!

Вот такие разговоры вели эти солдаты. Наговорившись и насмеявшись вволю, я попрощался с ними и скрым шагом отправился на станцию, как всегда, за утренней прессой. Настоящему англичанину никогда не следует изменять своим вполне сложившимся привычкам!

Как я боюсь надоест моему читателю этими бесконечными нудными описаниями этого бесконечного, тянувшегося, как резина, утра и ещё более тоскливого дня!

Всё было в постах и заслонах, само собой разумеется, мне везде дали от ворот поворот, и на пустошь я не попал. Попытка взобраться на колокольни в Хорселе и Чобхеме тоже были пресечены офицерами, которые вообще не захотели разговаривать со мной и приказали убираться восвояси. Военная администрация была уже везде.

Солдаты, как всегда, были более расположены к разговорам, но так как они ничего толком не знали, разговаривать с ними было мало толку. Я пытался заговорить с их начальниками, но они, видимо, проинструктированные по этому поводу, были напыщены и молчаливы. Присутствие военных было сильной успокоительной пилюлей для озадаченного и перепуганного населения, и люди под охраной войск быстро успокоились. Горе коснулось многих семей, и по пути я встретил Маршалла, известного табачного торговца, который, будучи вне себя от горя, сообщил мне о смерти подле ямы своего единственного сына. Начинались необходимые в условиях военного времени мероприятия. Жителям окраин Хорселя сразу же было приказано днём собрать вещи и покинуть свои дома.

Домой я попал к обеду, в районе двух часов, почти без ног и такой усталый, что едва соображал. Перепады давления, дикая жара, страшная духота – всё это мало способствовало моему хорошему самочувствию, и чтобы прийти в себя, я сразу залез под ледяной душ.

Во второй половине дня, отлежавшись и приободрившись, я поспешил на железнодорожный вокзал за свежей вечерней газетой, потому что то, что было в утренних выпусках, было уже древней историей. Что было в утреннем выпуске? Только мутное описание обстоятельств гибели Стэнта, Гендersona, Огильви и всех остальных.

Но к моему удивлению, вечерний выпуск был не более щедр на информацию, чем утренний. Видимо, военная цензура протянула свои цепкие коготки к публикациям в прессе. Это было моё личное предположение, но оно, несомненно, имело веские основания.

Собственно говоря, ничего нового об инопланетянах там не сообщалось. Они теперь не показывались из своих железных нор, да, но в их машинах стоял постоянный железный грохот, и в воздух постоянно выбрасывались клубы густого зелёного дыма. Внутри цилиндров кипела какая-то активная работа. Единственное, что можно было предположить – они упорно и деловито к чему-то готовились. Судя по их поведению, они уж точно не готовились к торжественному приёму в Вестминстере, а готовились к чему-то совсем другому, скорее всего к полноценным боевым действиям. Да, не так скоро в статьях наивных корреспондентов впервые прозвучало слово «война»!

Все газеты наперебой сообщали, что «постоянные попытки завязать контакт с новоприбывшими не привели ни к какому результату».

По пути я столкнулся с одним сапёром, который на белом глазу выложил мне странную вещь – он видел, как какой-то дерзкий патриот побежал с длинной палкой почти к самому цилинду и стал бойко размахивать английским флагом под носом у пришельцев. Никакой реакции от инопланетян не последовало, как будто этот человек с палкой и тряпкой на ней представлял для них такой же интерес и такую же угрозу, как таракан, выпавший из буфета на кухонный стол. И они позволили этому таракану временно порезвиться на кухонном столе, возле перечницы, с интересом наблюдая за конвульсивными ужимками насекомого.

Это сообщение, вкупе с сообщениями о муравьиной активности внутри цилиндров, скажу честно, сильно напрягло меня, если не испугало до мокрых штанов. Они поставили себе цель, главную цель, и как серьёзные умы, стали идти к ней, не обращая внимания на всякие неприятные мелочи и детали. Их целью явно было уничтожение нас, нет, не переговоры, не общение, не нейтралитет, нет, но полное и абсолютное уничтожение нас, людей.

Это могло испугать любого, но меня вдруг это разозлило.

Да, я разозлился. Помеси осьминога и медузы не следовало бы столь опрометчиво угрожать нам и начинать своё пребывание на Земле с грязного уничтожения мирной делегации и прочим коварным замыслам!

Теперь моему воображению пришлось иметь дело с моим гневом. И оно принялось изобретать способы мести и способы уничтожения неблагодарных гостей, так же, как школьник, узнавший о начале войны, воображает себя величайшим полководцем, Александром или Ганнибалом, одним махом опрокидывающим толпы врагов, окружающим и сметающим их к Каннах, чтобы в итоге явиться в лавровом венке перед своими осчастливленными соотечественниками. Я снисходительно оценивал шансы этих наглецов! Их борьба явно была борьбой пьяного клопа с башмаком бакалейщика.

Ха, ещё вчера на моих глазах они баражали в песке на дне ямы, и не могли ничего! Что могло восприняться огромному государству, оснащённому самой совершенной в мире армией смерти с лица земли несколько преступников с их сумасшедшими, фантастическими проектами?

Ответ на вопрос был совершенно ясен! Ничего!

Мои мысли были прерваны гулом со стороны Чертси и Аддлстона – это наши войска начали производить массированный обстрел окрестностей соснового леса, где по сообщениям было падение второго летательного аппарата. Я считал, что это вполне разумное решение – разрушить второй цилиндр, прежде чем он будет готов к борьбе с нами. Это было в три дня – я специально посмотрел на часы. Битва на одном из флангов началась, но на другом орудия для начала обстрела поспели к месту назначения только через два часа – приблизительно к пяти часам.

Моей уверенности в нашем господстве над врагом теперь не было пределов.

Успокоенный и ободрённый полученной информацией, в шестом часу я стал чаёвничать с супругой, оживлённо обсуждая с ней возможный исход грядущего сражения, и был уверен, что оно продлиться не более часа, если не менее того.

Всё началось в пол-шестого!

Так вот, в шестом часу, когда мы с женой сидели, попивая чай, и полные самых оптимистических ожиданий, живо обсуждая развитие военных действий, как это бывает в самом начале любой кровавой бойни, когда надежды на победу зашкаливают, а на столе всё ещё стоит сахарница, полная сахара, а в чайнике по-прежнему заваривается крепкий индийский чай, и ничего не предвещает, что сахар вдруг испарится, а чайник прогорит, вдруг где-то в районе пустоши раздался сильный хлопок, потом – взрыв, сопровождавшийся невероятно яркой вспышкой, а затем в небе заблистали непрерывные, непрекращающиеся всполохи. Не прошло и нескольких мгновений, как где-то совсем рядом с нами раздался новый, ещё более мощный взрыв, от которого, как мне показалось, наш дом подпрыгнул на месте.

Мы бросились в сад. Оглянувшись, я увидел, что высокие дубы возле Восточного колледжа затянуты густым дымом, а из их крон вырываются длинные, тягучие языки пламени, и колокольня небольшой церкви, дрогнув и замерев на мгновение, начинает разваливаться на глазах. С крыши колледжа исчезла башня, напоминающая минарет, а сама крыша превратилась в кашу из конструкций и покорёженных медных листов, как будто на неё упала стотонная бомба. Повернув голову, я увидел треснувшую кирпичную трубу нашего дома, и понял, что воздаяния за патриотизм и шовинистические порывы детства началось. Мне показалось, что в трубу угодил снаряд приличного калибра.

Крупные ошмётки трубы рухнули и покатились по черепице кровли, превращая нашу крышу в груду черепичных обломков, которые с шумом съехали с крыши прямо на мою гордость – клумбу под окнами моего тихого кабинета.

Я и жена застыли, как в ступоре. Трудно описать наше удивление и испуг. Мне потребовалось некоторое время, чтобы осознать простую истину – разрушение колледжа говорит только о том, что вершина Мэйбери-Хилза очутилась в доступности действия оружия ино-планетян – их теплового луча.

Дело принимало совсем скверный оборот. Надо было что-то предпринимать, и, опомнившись, я схватил жену за руку и потащил её дальше от дома. Служанка по какой-то причине осталась дома, и мне пришлось вернуться за ней. Она тоже была не в себе, и только сжимала руки на груди. Я попытался сказать ей что-то ободряющее, но не нашёл ничего лучшего, чем пообещать, что я мухой слетаю наверх к ней в комнату и снесу вниз её сундук. Она боялась подниматься по лестнице, но сундук бросать на произвол судьбы категорически отказалась.

– Здесь нельзя больше оставаться, – сказал я, пытаясь придать голосу хоть какую-то уверенность.

Где-то наулице снова раздался глухой удар и стали слышны звуки чего-то рушащегося.

– Куда нам податься? – жена смотрела на меня с отчаянием, – Нам некуда идти!

С минуту в моей голове царила торричелева пустота, потом я вспомнил о существование её родственников в Лезерхэде.

Я впервые увидел, и увидел на себе самом, как преуспевающий человек, живущий в своём доме и пьющий чай с плюшкой, вдруг, в одно мгновение превращается в бездомного, гонимого судьбой бродягу, опасающегося за свою жизнь и принуждённого бежать сломя ноги куда глаза глядят.

– Лезерхэд! – пытаясь перекричать растущий мерзкий гул, крикнул я ей.

Моя жена как будто съёжилась. Она повернула голову и стала смотреть на далёкий склон холма, где творилось нечто странное. Люди высакивали из домов и, как муравьи в разгромленном муравейнике, бегали вокруг своих домов. Мне было неясно, что там происходит, тем более, что визуально ни один из домов, откуда они высакивали, не был повреждён.

– И как же теперь нам попасть Лезерхэд? – неуверенно спросила меня моя жена. Это был вопрос на засыпку.

По подножию холма гарцевал отряд гусар в красных кирасах. Потом они прокакали мимо разбитого сарая и очутились под железнодорожным мостом, где остановились. Троє гусар продолжили скакать и довольно быстро оказались у ворот Восточного колледжа. Там твое из седоков спешились и побежали въ двор, а потом стали осматривать ближайшие дома. Дым от горящих столетних дубов затягивал небо, и огромное солнце, иногда проглядывавшее в прогалы тумана, смотрело на мир кроваво-красным лицом и бросало на всё такой же тревожный, зловещий свет.

– Оставайтесь тут, – крикнул я. – Здесь вы в безопасности!

Сделав распоряжения, я помчался бешеным аллюром в трактир «Пятнистая Собака». Я знал хозяина этого заведения и видел у него во дворе ртносительно новую пролётку. Лошадь у него тоже была, вот я и хотел выпросить у него и то, и другое.. Я спешил. Без всяких сомнений

ний скоро должен был начаться повальный исход жителей нашей стороны холма, которая была атакована марсианами. Я нашёл хозяина у кассы, он что-то чинил в ней и как оказалось, совершенно ничего не знал о творящемся в мире. Он разговаривал с каким-то посетителем и стоял спиной ко мне.

– Меньше фунта не предлагай! – вопил трактирщик. – Мне и везти-то некому!

– Ладно! Предлагаю два! – скройко заявил я, перегнувшись через плечо незнакомца.

– За что?

– За пролётку! И доставлю обратно к полуночи! – уверенно добавил я.

– Бог ты мой! – удивился трактирщик. – И что такая спешка? Два фунта вперёд и сами вернёте обратно? Что стряслось?

Я в нескольких словах пояснил, что вынужден срочно уезжать из дома, и мне надо, таким образом, срочно нанять двуколку. В этот момент мне и в голову не приходило, что трактирщику не мешало бы самому покинуть своё жилье. Сделка состоялась. Я уселился в двуколку, поспешил вернуться к своему дому, и оставив экипаж под присмотром жены и служанки, побежал в дом и, забыв окончательно о своих захватнических амбициях по отношению к марсианам, стал укладывать всё самое ценное – прежде всего золото и столовое серебро и тому подобное. Моя гордость – огромные, вековые буковые деревья, росшие рядом с домом, треща и дымясь, полыхали ярким алым пламенем, раскаляя чугунную решётку ограды так, что она была похожа на книжную виньетку.

Тут я заметил суетливого гусара, который бегал от дома к дому и вызывал криком хозяев. Ему было дано поручение предупреждать жителей, чтобы они начинали покидать свои дома и как можно скорее уходили из зоны поражения марсиан. Наконец он подбежал и к нам. Заметив его, я выскоцил на крыльцо, волоча мешок со скарбом. В качестве мешка я использовал скатерть из гостиной, которую мне теперь было совершенно не жалко.

Гусар, видя, чем я занимаюсь, понял всё с полуслова и, решив не тратить попусту времени, поскакал дальше.

– Слушай! Что там нового? – закричал я ему вслед.

Он не сразу понял, что обращаются к нему, потом повернулся, кивнул мне и что-то крикнул. Мне показалось, что он сказал: «Вылезают из ямы в каких-то штуковинах типа здоровенной суповой миски!»

Не разбираясь, услышал ли я, он побежал к последнему дому, который тлел на самой вершине холма.

Густые всполохи густого чёрного дыма внезапно заволокли дорогу, и гусар пропал из глаз.

Хотя мне говорили, что моего соседа здесь уже нет, я помчался к дому соседа и стал громко молотить в дверь, пытаясь удостовериться, остался ли он дома или уже отбыл вместе с женой в Лондон, и не забыл ли он запереть свою квартиру. Потом я вспомнил о своей служанке и снова забежал в дом, мне надо было вытащить её сундук, на это ушло довольно много времени, наконец я вытянул его, оно оказался довольно тяжёл, подвязал к задку двуколки и, подъяв вожжи, встал наконец на козлы. И очень вовремя. Вокруг всё стало вдруг рваться и вздыбливаться. Я дёрнул вожжи, что было сил. Через минуту, когда мы вырвались из полосы взрывов и дыма. Грохотало уже где-то далеко позади нас; а мы быстро мчались по противоположному склону Мэйбэри-Хилла по направлению к Олд Уокингу.. Я не оглядывался, чтобы не ужаснуться в последний раз. Мы, по всей видимости, продолжали находиться в зоне доступности марсианских орудий. Стоило им краем глаза заметить нас, как наша судьба была бы решена в один миг. Но сплошной дым был теперь нашим лучшим укрытием.

«Отныне единственный наш союзник в мире – это дым!» – пришло мне тогда в голову, но сил улыбаться у меня не нашлось.

Пролётка живо бежала по дороге. Путь был неблизкий, и я не перенапрягал свою лошадку и сильно не гнал. За холмом нам открылись почти райские картины мира и спокойствия. Обширная долина стремилась к горизонту и утопала в лучах весёлого Солнца. По обеим сторонам дороги колыхались поля спелой пшеницы. Одиночные вязы клонили свои старые седые головы. Гостиница Мэйбери с её качающейся вывеской, маячила вдали. Доктор в своей пролётке опережал нас и ехал чуть впереди. Мы быстро приближались к высокому холму. У холма я остановился, вылез и стал смотреть в сторону нашего холма. Ветра не было и высокие столбы чёрного смрада, пробивающиеся порой языками красного пламени, вздымались в стоячем воздухе почти до облаков и бросали чёрные змеистые тени на лиственные покровы далёких зелёных рощ. Постепенно, размежеванно и верно поднимавшийся дым рассеивался и стяжался широкими чёрными рукавами далеко на восток и начинал распространяться на запад. Чёрная пелена достигла уже широких сосновых лесов Байфлита на востоке и дотянулась до посёлков Уокинга на западе. Мы были не одиноки. Я оглянулся и увидел, что на дороге сзади было буквально не прдохнуть (надеюсь, читатель простит мои нелитературные обороты) – вся она была забита бегущими. Огромное количество людей было извлечено из их уничтоженных домов и спасалось теперь отчаянным бегством. Где-то очень далеко бухали мощные одиночные взрывы, прерываемые гулким треском пулемётных очередей. В знойном стоячем воздухе эти звуки очень хорошо разносились на значительные расстояния. Потом звуковая симфония на время прервалась и возобновилась только чахлая ружейная пальба. На мгновение мне в голову пришла мысль о бедных гусарах, но я сразу изгнал её, насчёт их дальнейшей судьбы у меня не было никаких сомнений. Количество дымных труб, устремлённых в небо, увеличивалось на глазах. Было понятно, что марсиане мерно и методично испепеляют всё, что находится в зоне действия их теплового луча. Они были очень аккуратны и методичны.

Сказать, что я хорошо управляю лошадьми, я не могу, посему в тот момент я не стал отвлекаться на все эти мелочи – ужасные картины, и сосредоточился на управлении экипажем, учитывая, что в той обстановке лашадь, точно так же, как и мы стала всё больше нервничать и проявлять беспокойство. А ведь скорость её ног теперь была единственным нашим средством спасения. На отдалении я оглянулся и увидел наш холм в просвете чёрного дыма. К тому времени практически всё небо было затянуто чёрной пеленой и только в самой верхотуре неба несколько мелких просветов сочились чистой голубизной.. Тут я стал сильнее подстёгивать лошадь, чтобы она бежала шустрее, и настёгивал её довольно длительное время, пока мы мне миновали Уокинг и Сэнд, которые закрыли от нас погружающуюся в мрак долину ужаса и хаоса. Я даже не заметил, как между Уокингом и Сэндом обогнал бричку доктора. Такие были у нас волнительные гонки! Гонки на выживание!

10. ГРОЗА

Расстояние от Мэйбэри-Хилла до Лезерхэда едва ли не двенадцать миль. Они пролетели так быстро, что я едва их ощутил. Жена, бледная, сидела в бричке и едва была способна к активному общению. Нас встречали пышные луга за Пирфорда. Здесь летали пчёлы, пахло сеном и полевыми цветами, а по бокам дороги бесконечно тянулась прекрасная живая изгородь высокого цветущего терновника. Здесь ничто не говорило о том, что где-то гремят боевые действия, горят города и гибнут люди. Артиллерийские залпы, которые мы слышали ещё совсем недавно, проезжая Мэйбэри-Хилл, оборвались столь же внезапно, как и начались, и теперь ласковый вечер опускался на благоухающие долины. В девять вдали показался Лезерхэд. Мы наконец прибыли туда, куда хотели. Скоро нас встретили родственники жены. Первым делом я распрыг лошадь и дал ей отдых, а сам с жадностью поужинал вместе с женой. Я передал жену на попечение родственников, и стал размышлять, что мне делать дальше. Я чувствовал, что основы нашей жизни теперь находятся под вопросом, и выживание и уцелевание переходит на другие рельсы. Теперь безопасность находилась совсем не там, где раньше, и её надо было ещё заслужить!

Занятый своими мыслями, я почти забывал о своей жене. Испуганная, она почти совсем не говорила, сидела тихая и подавленная. Иногда чья склонялся к ней, пытаясь утешить её, но не уверен, что мне это удавалось слишком хорошо, женской интуиции свойственно предчувствовать дурное. Что мне оставалось, ка не твердить ей, что марсиане неуклюжи, похожи на медуз и осьминогов, они копались в яме, даже не имея сил вылезти из неё. Сколько им понадобится времени, чтобы выполнить эту простейшую задачу – день, два? Она слушала меня рассеянно и отвечала часто невпопад. Если бы не моё обещание вернуть коляску трактирщику, она почти наверняка заставила бы меня остаться с ней, и никуда не возвращаться.

Ах, как я ошибся, не оставшись в Лизерхэде! Когда мы обнялись на прощание, моя жена была очень бледна!

Меня же всё это время не покидало дикое, лихорадочное возбуждение, какое при экстремальных обстоятельствах овладевает иногда даже самыми крепкими цивилизованными людьми. Воинственное волнение будоражило мне кровь, заставляя совершать поступки, которые в здравом уме я даже не мог назвать бы безрассудством. Военная лихорадка – не лучшее состояние, для того, чтобы нормально пользоваться возможностями ума. Я почему-то испытывал почти радость оттого, что мне нужно срочно вернуться в Мэйбери.

Как ни странно, даже после всего пережитого, я почему-то опасался: конец стрельбы означает, что с марсианами уже покончено, и я вернусь в разорённый город, так и не увидев всего самого интересного. О, как я хотел быть зрителем этого поразительного зрелища.

В одиннадцать часов, обняв жену, я отправился в путь. Мало что было темнее этой ночи. Это была просто катаринская тьма. Когда я покинул хорошо освещённую прихожую и спрыгнул с лестницы на землю, вокруг была непроглядная чернота, и жаркий, душный воздух словно застыл в пространстве. На земле не было ни звука, ни движения, а по небу грозно неслись стремительные облака. Прислуга зажигала фонари во дворе. Но по счастью, дорога была мне хорошо известна. Жена, словно приклеенная, застряла в ярко горящем огнём проёме двери и молча наблюдала, как я усаживаюсь в пролётку. Потом, ничего не сказав, она ушла в дом так незаметно, что когда я взглянул в дверной проём, чтобы послать ей ласковый прощальный поцелуй, её уже не было, а около дверей кучковались родственники, желавшие мне доброго пути.

Даже на расстоянии я ощущал чувства жены, её испуг, который она не хотела показывать, дабы не смущать мою волю, и надо сказать, что её состояние во многом передалось мне. Поэтому, отчалив от имения родственников, я почти силой заставил себя выбросить из головы

всякие дурные мысли и попытался представить последнее победное сражение с марсианами, которое произошло вчера. Я представлял себе радость и ликование гвардейцев, когда последние вражеские механизмы рухнули и покатились по горящим холмам. Простор для фантазии был потрясающий, я ведь ровным счётом не имел никакого представления о вчерашней баталии. Я даже не мог предполагать, что явилось причиной начала этого столкновения, кто первый взвёл курок войны!

В Окхеме (на этот раз я почёл за лучшее ехать новой дорогой, а не через Сэнд и Старый Уокинг, как раньше) я вылез из пролётки, чтобы размять кости и был поражён полыхавшем на западе кроваво-красным заревом. Это зарево не спешило уходить, и по мере моего продвижения, мерно, но всё сильнее наползало на небо, заняв к концу пути практически все небеса. Тяжкие грозовые тучи находили с севера, мешаясь с клубами аспидно-чёрного с багровыми отблесками дыма.

Рипли-Стрит была воистину мертва. Прежнего оживления, каким славился этот маленький городок, не осталось и в помине. Ряды торговых лавок оказались наглоухо и, судя по всему, давно, закрыты, на площади не было ни живой души. За всё время пребывания в посёлке мне посчастливилось увидеть только два-три светящихся окна. Когда я сворачивал к Пикфорду, на повороте я чуть не задавил человека. Несколько парней, стоя ко мне спиной, жестикулируя, всматривались куда-то вдали. Когда я объехал их, они даже не обратили на меня внимания. Я не решился остановиться и не стал беспокоить их расспросами, да и не знаю, могли ли они иметь хоть какое-то представление о происходящем. Что же касаемо тех тёмных, неосвещённых домов, которые бесконечной чередой пролетали мимо, я так и не понял, покинуты ли они навсегда бежавшими хозяевами, царит ли в них в силу позднего часа мирный сон или хозяева просто закрылись в домах, стараясь не показывать своего присутствия и тайком выглядывая в щели своих наглоухо закрытых ставень.. Если так, это значит, что они чем-то серьёзно испуганы. А может быть, хозяева додумались специально маскировать свои дома под покинутые и давно заброшенные – некоего рода мимикрия в годы лихолетья. «Если они внутри домов, и прячутся, боясь выглянуть из окон, то наверняка они видели нечто, что буквально парализовало их волю!» – мелькнула у меня в мозгу быстрая, как молния, мысль.

Дальше меня поглотила долина Уэй. От Рипли до Пикфорда я имел возможность наблюдать за небесами. К моему удивлению, небо здесь не было затянуто чёрными всполохами пожаров и ничто не свидетельствовало о близости какой-то катастрофы. Однако стоило мне подняться на первый же холм за церковью Пикфорда, настроение у меня стало снова портиться, ибо на горизонте снова заплясами чёрные полосы пожаров и появилось яркое кровавое зарево. Давление менялось, и попадавшиеся навстречу деревья тревожно шумели, свидетельствуя о первых порывах грядущей бури. Колокольный звон Пикфордской церкви возвестил о наступлении полуночи, а вдали, медленно проявляясь причудливыми контурами на фоне просветляющегося неба, взрастали чёрные контуры моего родного Мэйбери-Хилла.

Вдруг в нескольких милях от меня зловещее меркнущее зеленоватое сияние на мгновение осветило дорогу предо мной и стало перемещаться размытой полосой через сосновый лес на севере Мэйбери-Хилла. Я напрягся и, сам того не осознавая, помимо своей воли натянул поводья.

Вдруг бок низкой свинцовой тучи, лягушкой распластавшейся над моей головой, ярко осветился химической зеленью, и узкая полоса, отделившись от тучи, прочертила ровную прямую линию, которая тут же уткнулась в землю, чуть левее шоссе, прямо посреди поля. Ещё одна падающая звезда почтила своим визитом Землю!

Не прошло и секунды, как из свинцового бока тучи ударила изветливая ослепительно-фиолетовая молния – первая вестница скорой грозы. Ветер нагнул кроны, и листья заметались под его свирепыми порывами. Молния повторилась, и удар грома мгновенно вто-

рил за ней, словно взрыв порохового склада. Я не предполагал, что моя лошадь так испугается. Она понесла, закусив удила и уже совершенно не подчиняясь моим командам.

Кругом сверкали фиолетовые иглы, на мгновение освещая ярчайшим цветом чёрные вересковые холмы.

Пролётка стремительно летела вниз по отлогому склону холма к изножию Мэйбери-Хилла. Вспышки молний почти слились в сплошной поток, и окрестность представляла предо мной в виде беспрерывных полос нестерпимо-фиолетовых вспышек и чёрных контрастных контуров, где ничего нельзя было понять, но всё меж тем было до боли знакомо. Слившиеся в один вой раскаты грома сопровождались каким-то необычным звуком, неким странным потрескиванием, которое я сначала связывал с избыtkом во время грозы статического электричества на выступающих железных поверхностях. Эти невесть откуда доносившееся потрескивание не прекращалось, словно в тумане, среди низких облаков работала огромная электрическая машина. Постоянные вспышки молний слепили глаза, а начавшийся мелкий, колючий град больно бил и колол мне лицо иглами.

Я вынужден был смотреть прежде всего на дорогу, возможность потерять управление над экипажем и очутиться в кювете с сомнительными последствиями, не увлекала меня. И вдруг какое-то смежное, видимое боковым зрением движение, ощущимое на очень большом пространстве, нечто нарастающее в направлении моего спуска по склону Мэйбери-Хилла, отвлекло моё внимание. Это нечто двигалось вниз по холму с необычайной быстротой. Это было очень странно, и сначала я подумал, что просто ошибаюсь и меня подводит зрение. Потом, присмотревшись, я увидел мелькнувшую конструкцию, очень похожую не то на мокрый купол дома, не то на крышку огромной стальной гусятницы. При вспышках молний мне было чрезвычайно трудно сосредоточиться и понять, что происходит. Меня объяло почти звериное отчаянье. Может быть, виной было это невиданное освещение, яркий, слепящий свет среди ночи. Я испытывал нечто подобное, когда некогда, потрясённый, рассматривал картину Эль-Греко «Вид Толедо в бурю», но здесь впечатление всё было в тысячу раз более сильным. После особо мощного удара молнии всё покрыла абсолютная чёрная мгла, а потом вдруг – резкий треск и новая мощная вспышка нестерпимо яркого света превратила кромешную, непроглядную ночь в ясный день, отчего сундукообразное здание приюта на холме, выступило во всех своих деталях, выделяясь красной кирпичной кладкой, так же, как зеленеющие свежими побегами вершины сосен, и над всем этим наконец отчётливо выступил непонятный, загадочный объект необычной формы.

Вопрос в том, что же такое бросилось мне в глаза? Я задрал голову... Надо мной высился огромный, уходивший в небо выше третьих этажей зданий железный треножник с каким-то причудливым навершием. Стремительно, огромными шагами, почти беззвучно он вышагивал по молодому сосняку и на своём пути оставлял широкую просеку с выкорчеванными и поваленными деревьями. Над гигантскими ногами этого чудища возвышалась круглая башня из блестящего металла, она венчала эти ноги, взрывавшие породу, кромсавшие вереск и кусты на своём пути, и блестящие тросы были туто натянуты, и когда кабина начинала вращаться, раздавался такой громкий, противный визг, что становилось дурно. Все эти звуки, сливавшиеся с непрерывным громом с небес, образовали такую какафонию, что хотелось заткнуть уши.

Тут сверкнула белая неописуемо яркая молния и зловещий треножник с мерным зуммером полностью вылез из темноты, в это мгновение он стоял на одной опоре, только готовясь перенести вес на другую. Две другие ноги в этот миг были подняты в воздух. Вспышки дикого света перемежались всё более аспидной тьмой, и каждый раз треножник высвечивался и сверкал всё сильнее, потому что был всё ближе ко мне. С каждым своим перемещением он оказывался ближе на несколько сот ярдов. Когда такое видишь воочию, в голову не могут приходить мысли, насколько это похоже на гигантский складной стул особой конструкции, своим ходом перемещающийся по земле мерзкими синкопами. Эти дёргающиеся позиции и перемещения

треножника, выдернутые из темноты силой молний вселяли в меня всё возраставший страх, особенно тогда, когда я видел синкопы этого дёргающегося стула, на котором была посажена уродливая вращающаяся голова.

Прямо передо мной вдруг веером, как тростник, пригнутый весом пробирающегося по траве человека, рухнули ряды высоких сосен.

Они падали и ломались, как спички, и вдруг, через какое-то мгновение на моих глазах вырос второй чудовищный треножник, с визгом выбрасывавший свои конечности, как мне показалось, прямо на меня. Кому-то покажется смешным, что я, вместо того, чтобы сломя голову бежать прочь, сам мчался во всю прыть ему в пасть! Возможно, второе чудище не видело меня. При виде этой визжащей горы стали, моя нервная система хрустнула. Чтобы не сойти с ума, я старался не смотреть вверх, туда, где слышался мерный зуд и гремели какие-то штуковины. Не выдержав муки преследования, я инстинктивно дёрнул правую постромку сильнее обычного.

За какие-то мгновения бричка стала неуправляемой, предательски вильнула и наконец, вздыбившись, подалась вперёд, с грохотом повалилась, придавив мою бедную кобылу, а потом сползла набок. С диким звуком треснули оглобли, а я увидел себя отлетающим кувырком в сторону, и тяжко слёпнулся в большую грязную лужу.

Несмотря на то, что удар был довольно силён, мне удалось сразу же прийти в себя, и я даже как-то умудрился отползти в кусты дрока и затаился там. Придавленная двуколкой, лошадь распласталась поодаль и не двигалась, бедная тварь при падении сломала себе шею. Очередная вспышка молнии высветила чёрный силуэт двуколки и колесо, продолжавшее медленно крутиться вокруг своей оси. Я вымок, как цуцик, и начинал дрожать от подступавшего холода. Мгновение – и чудовищный механизм, поскрипывая едва слышно, прошёл надо мной и в следующей вспышке молнии я, запрокинув голову,

увидел его поднимающимся на холм Пикфорда.

При ближайшем рассмотрении треножник производил гораздо более странное впечатление, чем издали.

Итак, ясно было, что это прекрасно управляемая кем-то машина. Ясно было, что на ней производится автоматический контроль за передвижением конечностей, дабы машина никогда не утрачивала устойчивости в движении. Новенькая, как будто только что купленная в универмаге, эта колоссальная штуковина обладала сильным металлическим ходом и была оснащена целой кипой длинных, чрезвычайно гибких чёрных щупалец, которые, как я полагаю, были некоим подобием нервной системы. При мне одно из этих щупалец обхватило молодую сосну и как игрушку выдрало её из песка. Машина использовала только необходимое количество щупалец, и использовала их по необходимости. Когда щупальцы не были нужны, они просто висели вдоль корпуса и при движении мерно бились о металл с громким, неприятным, ритмическим стуком или с сипом втягивались внутрь корпуса машины. В дальнейшем я мог по этому звуку издали определять расстояние до машины инопланетян. Теперь треножник замедлил своё движение. Стали слышны натужные звуки постоянно поворачивающейся кабины наверху, мне показалось, что машина находится в процессе определения своего местоположения. Наверху поднялась медная крышка, жужжа, она поворачивалась то в одну сторону, то в другую, издали похожая на голову. Теперь мне стало заметно небольшое изменение конструкции треножника – к блестящему остову машины была прикреплена огромная сетчатая конструкция, до боли напоминавшая увеличенную в сто раз корзину для рыбы, какие каждый день можно видеть в руках торговцев на рынке. Плетение её, очень плотное, и в то же время чрезвычайно эластичное, было выполнено из тонких струн какого-то сверкающего, как ртуть, металла.

Чудовище гремело суставами так, что можно было оглохнуть, но не только грохот шёл от него – оно издавало массу всяких других звуков, по большей части неприятных. Из всех

сочленений чудовища с хрипом вырывались густые клубы зелёного пара. Я едва успел скользнуть взором по его блестящему брюху, как марсианин уже исчез – чудище скрылось в темноте ночи, и теперь только далёкий зуммер указывал, где он.

Молнии лупили по лесу всё гуще. Это была просто какая-то природная вакханалия, словно природа, испуганная вторжением чужеземцев, сошла с ума.

В смутном свете очередной вспышки молнии мне стало видно такое, что надолго застасило меня замереть от испуга.

Треножник теперь был много выше меня. Он стремительно шагал вверх, подбирайсь к вершине холма. Двигался он практически буззужно и это сочетание нарастания огромной мощи и кромешного молчания создавала какую-то непредставимо сумасшедшую обстановку. Наконец он приблизился настолько, что стали слышны резкие взвизги, шедшие из его суставов. Вдруг он резко остановился и издал такой дикий, звериный рёв, что у меня по спине пробежала волна холодной испаринь. Это был рёв, заглушавший все окружающие звуки, а тем более громкие раскаты грома. «Эл-лууу! Эл-лууу!» – кричал треножник. В ответ раздался точно такой же звук. В грохоте бури треножники разговаривали друг с другом. Наконец они узнали друг друга, второй треножник был всего в полумиле от первого и, наклонившись, замер, внимательно разглядывая что-то внизу. Обнаружив своего брата, первый снова загремел суставами и через полмили они сошлись, чтобы дальше двигаться вместе.

Меж тем они замерли там, где копошился второй треножник. У меня не было никаких сомнений, что там в земле лежит их третий собрат, третий из десяти цилиндров, чьё падение было зафиксировано нашими астрономическими службами. По крайней мере, пока что мы имели сведения только о десяти треножниках, посланных на Землю с Марса.

Сколько я лежал, дрожа под усиливающимся дождём, я не помню. На моих глазах, в диких вспышках света чудовищные стальные механизмы что-то делали, непрерывно двигаясь вдали. Дождь сменился мелким колючим градом, и в белом мороке очертания марсиан стали расплываться, вспыхивая только при особо мощных вспышках молний, а потом снова погружаясь в полный мрак.

Я промок насекомый. Сверху был мокрый град, внизу расплывалась холодная лужа, но я, как завороженный, продолжал впериваться в непроглядную тьму. Прошло довольно много времени, прежде чем я наконец понял, что лежать в луже больше не в состоянии, тогда я вылез из лужи и перебрался туда, где было посуше, под какое-то дерево, и замер, скрючившись в три погибели, соображая, где мне спрятаться получше.

Неподалеку, прямо посреди картофельного поля, торчала убогая деревянная сторожка. Я привстал и короткими перебежками, стараясь прятаться под любым встречным укрытием, стал пробираться к ней. Дверь была заперта. Как я ни стучал в неё, как ни бил кулаками в ставни, никакого ответа не дождался. Вероятно, она была пуста и тщательно заперта хозяевами.

Тогда, стараясь быть как можно более незаметным, я залез в канаву и ползком, чтобы не дай бог меня не заметили марсиане, перебрался под сень соснового леса, того, что рос на окраине Мэйбери.

Только здесь, под покровом густых зарослей я отдохнул, и страшно продрогший, усталый и вымокший, стал перебежками приближаться к моему дому. Лес был тёмен, как могила. Молнии били теперь довольно редко, и только мокрый колючий град просеивался сквозь густые шапки крон и ледяными иголками сыпался мне за шиворот.

И куда делся мой разум? Я словно отказался понимать, что происходит, и шёл навстречу гибели, не осознавая всей опасности, собравшейся над моей головой. Если бы я понял тогда, что происходит, я бы, конечно, сразу повернулся назад и через Байфлит и Страт-Кобхем устроился бы в Лизерхэд, под крыльышко своей любимой женушке. Но увы...

Чудовищность, нереальность происходящего, сплошной мрак, ночь, дождь, град и непре-крашающиеся завывания беснующейся бури, казалось, выветрили из моей бедной головы

последние остатки здравого смысла. Я так устал и замёрз, так вымок и был ослеплён беспрерывными вспышками молний, что едва ли мог рассуждать разумно.

Теперь единственная мысль вела меня: «Домой! Скорее домой!» Никаких других побуждений в этот момент у меня не было. Я заблудился в лесу и долго отчаянно плутал между чёрными, мокрыми, мшистыми стволами, потом, где-то на окраине леса свалился в глубокий ров и сильно зашиб колено. Выбравшись с великими трудами из ямы, я заковылял по полю и в темноте неожиданно выскоцил на дорогу. Судя по всему, она вела в сторону военного колледжа. Брусчатка под ногами пришлась, как нельзя кстати, потому что с холма тёк мощный, бурный поток грязи. Я оглянулся, и в это мгновение на меня налетел какой-то бегущий навстречу человек. Мы столкнулись и повалились в самую жидкую грязь. От неожиданности он гортанно крикнул что-то гневное и, отскочив в сторону, бросился туда, откуда я только что ушёл. Всё это случилось так быстро, что мне не удалось даже рта открыть, чтобы перемолвиться с ним хоть единственным словом. А спросить у него было о чём.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.